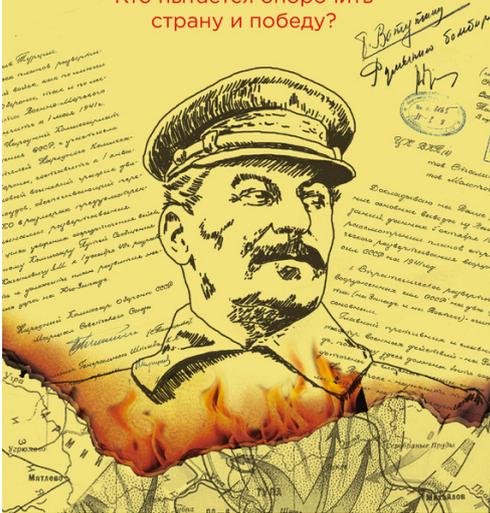

ОЛЕГ КОЗИНКИН

ЗАЩИТА СТАЛИНА

Кто пытается опорочить
страну и победу?

Олег Юрьевич Козинкин
**Защита Сталина. Кто пытается
опорочить страну и победу?**

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11824834
Защита Сталина. Кто пытается опорочить страну и Победу?: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-091892-8

Аннотация

Сейчас стало модно переписывать историю Великой Отечественной войны. Результаты победы подвергаются сомнению и нападкам лжеученых всех мастей. Эта книга – честный и аргументированный ответ на все выпады против СССР и тем более – Сталина... В своей работе автор подробно останавливается на вопросе о предвоенном планировании нашего Генштаба накануне войны. Планировала ли Красная Армия нападать первой? Или обороняться? А если держать оборону, то, на каком направлении?

Кто несет ответственность за поражение первых дней войны – Сталин или все же кто-то другой? Какие предвоенные планы были в Генштабе, какие фальсифицировались, и что скрывал маршал Победы?!

История повторяется, и мы вновь и вновь вынуждены защищать рубежи своей Родины. Кто и как спас страну от разгрома и поражения читайте в новой книге Олега Козинкина.

Содержание

Вместо предисловия	5
Два плана маршала Жукова	12
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Олег Козинкин

Защита Сталина. Кто пытается опорочить страну и победу?

© Козинкин, О. Ю., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

*«Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека.
...Но воевать сложно».*
К. Клаузевиц

Вместо предисловия

В последнее время, и особенно в связи с тем, что Россия в 2014 году вернула себе Крым, а в 2015 году вступил в силу Евразийский Экономический Союз, куда начали входить бывшие республики СССР, у западных и не только «историков» началось очередное (и однозначно не последнее) «обострение» желания переписывать историю Войны и исказить роль СССР в победе над фашизмом и нацизмом.

Наиболее знаковой фигурой в этом процессе, который начался сразу после уничтожения СССР в 1991 году, является В. Резун. Который в своих писаниях обвиняет СССР (т. е. Сталина) в приводе Гитлера к власти с целью развязать Мировую войну. И в том, что СССР (Сталин) собирался первым напасть на Германию.

Последователи Резуна, что на Западе, что в России, активно пытаются выставить СССР агрессором, несущим равную, если не большую вину за развязывание Второй Мировой войны. Пытаются показать, что это СССР – агрессор, собиравшийся первым напасть на Германию. И бороться с этими обвинениями можно только одним способом – показывать то, что было на самом деле в СССР в предвоенные месяцы. Какие были «планы войны», как шла подготовка к войне в СССР до июня 41-го на самом деле.

Ведь замалчивание сути этих планов в нашем Генштабе и позволяет «резунам» нести чушь и обвинять СССР в том, что мы якобы собирались напасть первыми! Т. е. бороться с «резунами» можно только точным показом настоящих наших планов, которые, конечно же, не были планами нападения первыми, и фактурой событий предвоенных дней и недель. И именно их скрытие нашими маршалами мемуаристами – и позволяет неучам и негодьям продолжать нести чушь о том, что СССР (т. е. Сталин) – собирался напасть первым на Германию.

* * *

Эта работа – прямое продолжение книги «Адвокаты Гитлера. Правда о войне, или Почему врут историки» (М. 2012 г.), в которой разбирались разные и подчас слегка даже неадекватные «гипотезы» о причинах трагедии 22 июня (также в 2014 году выходила книга «Хотят ли русские войны. Правда о войне, или Почему врут историки», которая не более чем переиздание с «новым» названием «Адвокатов Гитлера»).

Стоит напомнить – почему и кого можно называть «адвокатами Гитлера», чтобы не было недоразумений – о чем эти книги и насколько они «в защиту» лично Адольфа Гитлера, как могут подумать, видимо, некоторые читатели...

«Адвокаты Гитлера» это те сочинители и писаки, которые пытаются доказать, что Гитлер напал на СССР первым потому, что защищался от готовящегося нападения Сталина-СССР.

Однако в этой книге мы не будем останавливаться подробно на подобных гипотезах, а рассмотрим, по каким планам наши военные готовились к будущей войне с Германией на самом деле. И какие планы начала войны Жуков и Генштаб пытались реализовать в первые дни войны. Ведь в любой армии, в штабах, на случай вероятной войны составляются некие «планы», по ним и под них проводят всевозможные «штабные игры», учения в округах и т. п. мероприятия. Т. е. в Генштабе сочиняются некие «планы войны», «теории». А их проверяют перед войной «практикой» – как раз всеми этими учениями и маневрами. И когда война начинается, то в первую очередь и пытаются реализовывать эти самые планы. А потом

в зависимости от того, как пойдет их реализация в ходе уже идущей войны, в ГШ начинают создавать новые.

Таким образом, хотите узнать, отчего произошла трагедия 22 июня, изучите предвоенные планы НКО и ГШ тех предвоенных месяцев. И какие «игры» и учения по ним проводились. Вплоть до окружных и армейских. Также изучайте мемуары таких маршалов, как Захаров или Баграмян, которые не мифы и байки от Жуковых повторяли (и того, что ему «правили» в ЦК КПСС), а четко показывали, какие планы сочинялись в ГШ и что творилось в округах в результате их реализации.

Если в книге «Хотят ли русские войны?» упор был сделан на разборе странных, а иной раз и бредовых «гипотез» различных историков и исследователей о трагедии 22 июня, то в этой книге мы подробно остановимся на разборе реальных планов Генштаба РККА перед войной. Подлинных и черновых «планов войны» ГШ на случай нападения Германии. И в нашем исследовании нам будут помогать и «резуны». Ведь тот же М. Солонин, наиболее ярый сторонник В. Резуна, роясь в архивах, иной раз находил и показывал у себя на сайте вполне полезные и интересные документы и факты, которые также помогают восстановить картину предвоенных дней в нашем Генштабе

* * *

Краткий разбор предвоенных планов делал в своих книгах военный историк А. Б. Мартиросян, в том числе и в книге «Сталин и разведка накануне войны» (М., 2014 г.). Однако в данной книге мы будем разбирать самый важный миф о начале войны – кто и как «заставлял военных считать Украину главной целью Гитлера». А на разборе этого мифа попробуем выяснить – так что же происходило в предвоенные дни с планированием начала войны в Генштабе и Наркомате обороны, в чем настоящая и персональная вина Жукова и Тимошенко за катастрофу лета 41-го и что послужило причиной трагедии 22 июня.

А. Б. Мартиросян обвиняет Жукова и Тимошенко в «подмене утвержденных Сталиным» планов отражения нападения Германии. Но, к сожалению, он не рассказывает подробно, как это произошло, и поэтому в данном исследовании этот вопрос будет разобран подробно.

* * *

В июне 2014 года вышла книга М. Солонина и В. Дайнеса «Великая Отечественная: хотели ли русские войны?» (М., Алгоритм, серия «Дуэль историков»), в которой показывается «мнение» двух историков на предвоенные «планы войны» СССР. Солонин показывает свой разбор предвоенных планов и на этом пытается доказать, что СССР-Сталин собирались напасть первыми. А Дайнес, показав в принципе верную хронологию и цепочку планов Генштаба с осени 1939 года по лето 41-го, повторяет «официозные» байки о Сталине и о том, как и какие принимались решения перед 22 июня. Мол, Сталин не дал военным приводить войска в боевую готовность, не верил в скорое нападение Германии и т. п. . . При этом Дайнес ссылается исключительно на Жукова и Василевского, которым вообще-то как раз и выгодны были такие байки. **В нашем же исследовании читатель узнает, что утверждение маршалов о том, что «Сталин заставлял их считать украинское направление Главным в ударе Гитлера», является фальшивкой!** И доказано это будет давно опубликованными, но, увы, до сих пор малодоступными простому читателю документами и исследованиями.

В книге «Почему не расстреляли Жукова? В защиту маршала Победы» (М., 2013 г.) уже делался краткий разбор предвоенных «планов войны», однако тут стоит более конкретно остановиться именно на самой важной байке от маршалов. И выяснить – **что же так стара-**

тельно скрывал «маршал Победы» по предвоенному планированию, «аукнувшемуся» трагедией 22 июня.

В той книге пришлось защищать Жукова от безграмотных и лживых «наездов» В. Резуна на маршала Победы, но похоже, Георгия Константиновича надо защищать не только от вранья «резунов», но и от «историков со степенями», которые повторением баек от ЦК КПСС времен Хрущева вроде как, защищая Жукова от фальсификаторов, выставляют его если и не негодяем, то, как минимум – бездельником, ничего не сделавшим для подготовки Красной Армии к нападению Германии.

Тупой «резунист» принесет меньше вреда (тот же Солонин показывает документы и интересную фактологию по предвоенным дням), чем «историк со степенями», не задумываясь пересказывающий байки и мифы о трагедии 22 июня, постоянно повторяя чушь про опоздание с «нажатием красных кнопок»...

В общем, придется опять защищать Жукова. Который на своем посту сделал все возможное – для повышения моб. и боеготовности РККА к 22 июня. Хотя при этом он же несет прямую ответственность и за трагедию 22 июня – своим безграмотным планированием начала войны.

* * *

Основные «мифы» о трагедии 22 июня состоят всего из нескольких генеральских баек – «тиран не давал нашим славным маршалам приводить войска в боевую готовность заранее» и «тиран заставил считать военных Украину главной целью в ударе Гитлера», которые вслед за маршалами усердно повторяют некоторые историки до сих пор. Якобы именно по Украине и будет наносить Гитлер свой Главный удар (по «мнению» Сталина), а значит, это «тиран виноват» в том, что в Киевском ОВО находились основные силы РККА, а вот в «центре», в Белоруссии и той же Прибалтике по «милости тирана» войск оказалось меньше, и из-за этого Красная Армия и была разгромлена в июне 41-го. Из-за этого немцы с легкостью прорвали оборону в Белоруссии (а значит, и Павлов не особо виноват), и с легкостью дошли до Минска за 5 дней. Ну и соответственно наличие огромных сил в Киевском ОВО не сыграло никакой роли, и впоследствии они оказались уничтожены также по «вине тирана». Есть еще миф о том, что разведка дату нападения в Москву не сообщала, а если и сообщала, то Сталин и его окружение «не верили», что Гитлер нападет 22 июня, но на этой глупости мы подробно останавливаться не будем. Рекомендуем почитать работу А. Б. Мартиросяна «Сталин и разведка накануне войны» (М., 2014 г.).

Основными мифами, на которых и держится вся «мифология» о начале войны, являются – Сталин «заставил военных считать, что Гитлер ударит по Украине в первую очередь», и – Сталин «не давал военным приводить войска в боевую готовность» вплоть до ночи на 22 июня. И миф о том, что разведка Сталину то ли не доводила дату нападения Германии, то ли тот не поверил этому, – лишь помогает вышеуказанным мифам. А в итоге этими мифами и пытаются скрыть «просчеты» наших стратегов в Генштабе по предвоенному планированию, отвлекая от предвоенных планов внимание читателей, любителей истории.

* * *

С байкой маршалов о том, как им «тиран не давал приводить войска в боевую готовность до 21 июня», мы уже разобрались достаточно подробно, а вот миф о том, что Жукова и Тимошенко Сталин «заставил» считать Украину главной целью Гитлера, стоит в этой книге рассмотреть отдельно и подробно. И в итоге мы и увидим, что же на самом деле происходило

в предвоенные дни и зачем в КОВО собрали столько войск, и заодно выясним, по каким же «планам войны» собирался воевать сам Г. К. Жуков.

* * *

Версий о причинах «трагедии 22 июня» множество. Одна из них («официальная») выглядит примерно так – армия не была приведена в боевую готовность до нападения Гитлера. Доказывается «официальная», утвержденная еще на «XX съезде КПСС», так как записано в «секретном докладе» Н. С. Хрущева и в бессмертных мемуарах Г. К. Жукова, и выглядит она примерно так:

– Красная армия оказалась небоеготовой к 22 июня, т. к. И. В. Сталин не разрешал нашим генералам приводить армию и войска в западных округах в боевую готовность! И это стало основной причиной поражений первых дней июня 41-го и повлекло в дальнейшем остальные поражения армии в 41-м году вплоть до битвы под Москвой.

А также:

– «тиран заставил наших военных считать, что Гитлер нападет главными силами через Украину», и поэтому в Киевский Особый военный округ и нагнали столько войск.

Утверждение о том, что «тиран заставил военных» стянуть войска в КОВО, потому что «убедил военных считать целью главного удара Гитлера – Украину», появилось в момент сочинения маршалом Жуковым его «Воспоминаний и размышлений». И это и должно было скрыть правду о том, что же натворили с предвоенным планированием в НКО и Генштабе перед войной, с чем, с какими «планами войны» собирались встречать наши военные нападение Германии.

* * *

Как сторонники официальной линии, так и «резуны» и прочие «историки» и исследователи объясняют причины поражений Красной армии так: **«трагедия 22 июня произошла из-за ошибок в предвоенном планировании военно-политического руководства СССР (или НКО и ГШ)»**. Подобные формулировки вы встретите и в многотомных исследованиях по ВОВ, и в работах большинства «историков» и исследователей, написанных по началу войны. «Формулировка» замечательная, верная в принципе... и ничего не объясняющая.

Точнее – для тех, кто подробно изучал это «предвоенное планирование», действительно данная фраза «все» объясняет. Но для читателя, не читавшего настоящие (а также черновые и фальшивые) «планы войны», документы предвоенного планирования, не изучавшего подробно предвоенные Командно-Штабные Игры Генштаба РККА по этим планам, не вникавшего до этого в те же «Планы прикрытия», эта «формулировка» – пустой звук.

В книге «Почему не расстреляли Жукова? В защиту маршала Победы» впервые для широкого круга читателей были опубликованы схемы-карты из закрытого еще недавно исследования «1941 год – уроки и выводы» (М., 1992 г.), в котором профессиональные военные историки Института Военной Истории РФ показали на примере настоящих «планов войны» НКО и ГШ, что ожидали от Германии и что планировал наш Генштаб в ответ на немецкое вторжение. Но в этой книге не показана подробно роль маршала Жукова в предвоенном планировании, поэтому в нашей работе предвоенное планирование и «планы войны» самого маршала Победы станут главной темой исследования.

* * *

Сразу оговорюсь – все выделения и подчеркивания в приводимых документах, мемуарах и в авторском тексте сделаны автором и вот по какой причине: нельзя писать о проблеме 22 июня, просто пересказывая содержание документов и мемуаров очевидцев. И без меня хватает «исследователей», которые так и делают, но слишком часто они и дают именно свою личную трактовку и документов и слов очевидцев. Я же на себя такой «смелости» брать не хочу и поэтому привожу документы и мемуары максимально полно. А чтобы читатель не выискивал важные пункты в документах или словах очевидцев, я и взял на себя смелость выделить эти важные места. Уж больно много придется цитировать важных документов и мемуаров и важных.

При этом каждый сможет сам делать выводы, если не согласен с моими, но сделать их на основе оригинала, а не моих пересказов первоисточников. Ключевые фразы, показывающие суть и смысл этих документов или авторского текста, требуют, чтобы они были выделены и не прошли мимо читателя.

Приходится показывать многочисленные документы (слава богу, не целиком) еще и именно потому, что сборников документов по предвоенным дням особо-то и нет. Я это собрал по разным источникам – факты и документы, но простой читатель это сделать вряд ли захочет и сможет. Так что – я привожу так много документов именно потому, что простому читателю их собрать и обобщить – проблема.

* * *

А теперь поговорим о предвоенном планировании и **персональной ответственности конкретных генералов-маршалов за трагедию 22 июня** и сможем, наконец, разобраться с самым важным в изучении трагедии 22 июня – о том какие «планы войны» «утверждались» Сталиным, а какие реализовывались военными к июню 41-го.

Перейдем к самому важному и интересному на самом деле. Разберемся, наконец, что же на самом деле планировали наши военные и какой «тиран заставлял их считать Украину главной в нападении Гитлера». Разберемся с «двумя планами маршала Жукова» и заодно выясним – сколько их было в Генштабе на самом деле. А то ведь фантазии «резунов», книгами коих завалены книжные магазины, без некой теоретической и военной подготовки дело дурное и небезопасное для неокрепших умов.

Ведь, например, по «резунам» «Соображения» от сентября-октября 40-го «устарели» в силу изменения количества войск, и поэтому к лету 41-го были новые «Соображения». А раз «новые», то однозначно с планами напасть первыми – и значит, «план от 15 мая» был «действующим и узаконенным планом войны».

Ох уж эти неугомонные «резуны»! Конечно, «планы» ГШ к весне 41-го отличались от «планов» осени 40-го. Но не в сути своей. Кроме, конечно – «плана от 15 мая», о котором мы также поговорим подробно.

Ну что ж, покажем «резунам», насколько они бестолковы – разбором «планов Жукова».

* * *

(Примечание. В ходе работы над данной книгой автор давал ее почитать не только обычным любителям истории, но и профессиональным военным. В лице офицеров современного Генерального штаба или офицеров, служивших в армии на различных должностях,

которые стали моими редакторами по военной части. И по ходу исследования их критику и замечания читатель будет встречать такими вот «Примечаниями». Например, один из таких любителей истории, полковник Генштаба еще в 2002 году, служа в те годы в помощниках начальника ГШ, написал несколько статей по предвоенным дням по архивным документам, и показывал, что приведение в боевую готовность ДО 21 июня проводилось в приграничных округах.

Этот «генштабист» (мало интересующийся личной саморекламой, поэтому пожелавший остаться анонимным) пишет: «А вот после этого я бы «резунов» «утихомирил в порыве» простым тезисом: «Война – не одностороннее явление! Противник тоже есть!» Достаточно выложить бы все по тому же «Барбароссе» и порядку его реализации, выложить графики сосредоточения войск Германии, разложить этот график на «кризисные» или реперные точки и сравнить со сроками принятия решений в Генштабе, и этого будет в принципе достаточно, для того чтобы урезонить «резунов»! Получилось бы, что Генштаб более чем адекватно реагировал на изменения Военно-Политической Обстановки! Ведь разведка давала достаточно объективную информацию по движению немецких войск в Европе.

Это и именно это исключает планы напасть первыми. Увы, мы, кроме всего прочего, «профукали» сроки, возможности сосредоточения в силу дорожной сети с разных сторон, вот Сталин и тормознул «энтузиастов», которые ничего не смыслили в военной и экономической географии. У Жукова желания с возможностями не совпали, вот Сталин и не утвердил его предложения о «превентивном» ударе по изготавившемуся к нападению противнику! Может, и с этой стороны посмотреть? Может, противника зря из поля зрения выпустил? Количество развертываемых соединений в РККА – производная, так производная от чего?»

Полковник прав, и далее в книге о подобных вещах мы будем говорить тоже. Однако данное исследование не диссертация на заданную тему, и рассчитано на широкий круг читателей, поэтому мы не будем приводить подробный сравнительный анализ немецких планов с нашими, показывать таблицы расчеты и т. п. мы, в общем, не будем. Но надеюсь, что кто-то, прочитав данную книгу-исследование именно такое исследование, но уже более профессиональное и сделает когда-нибудь...)

* * *

Хочется сразу предупредить, – данная книга будет все же очень не простой для чтения. Но, не разобравшись с предвоенным планированием в СССР, а точнее в Генштабе РККА в последний год перед началом Войны, сложно будет понять, **кто же персонально виноват в трагедии 22 июня**. И что на самом деле планировали наши «стратеги» в Генштабе РККА.

При этом не стоит «резунам» надеяться, что в угоду им Г. К. Жуков будет выставлен тут идиотом. Задача нашего исследования (может, слегка и амбициозная, конечно) состоит в том, чтобы подобное уже в современных условиях не повторилось. Ведь как говорят офицеры, служившие и служащие в современном ГШ, «такое в нынешних условиях вполне может повториться, все симптомы налицо!» Суть же нашего исследования – «Как и что надо изменить (не допустить) сегодня, чтобы не повторилось то, что произошло с предвоенным планированием в те предвоенные месяцы» («генштабист»). Вот это и есть основная цель, а не полить Жукова грязью в угоду «резунам»...

* * *

Также разобравшись с предвоенным планированием, мы выясним, готовил ли Сталин-СССР нападение на Германию первыми или превентивно на момент лета 41-го на самом деле.

Конечно же – на сегодня изучен не весь комплекс материалов по этому вопросу. Поэтому в данном исследовании мы попробуем (вместе с моими критиками-помощниками из числа офицеров – любителей истории) обобщить доступные знания и уже опубликованные материалы по предвоенным планам, и на их основе рассмотрим вопрос о предвоенном планировании применения ВС СССР, его актуальности и соответствия складывающейся на тот момент военно-политической обстановке.

Попробуем разобраться, кто же и какую несет персональную ответственность за трагедию 22 июня, что всегда скрывал о предвоенном планировании и о трагедии 22 июня маршал Победы. И должен ли вообще Жуков один нести эту ответственность? Только ли Жуков скрывал правду о предвоенном планировании, или у него была и есть масса помощников?

Также попробуем разобраться с вопросом – как и кого Сталин «заставлял считать украинское направление Главным в нападении Гитлера на СССР» и что планировал Генштаб и лично Г. К. Жуков с предвоенным планированием?! Как «ошибся» в определении направлений главных ударов немцев, «неправильно рассчитал» распределение наших сил и средств.

«Мнение Генштаба имеет право выражать только его начальник! Георгий Константинович, все время пытался себя отделить от решений, говоря и ссылаясь на какой-то безликий «Генштаб», типа в «Генштабе полагали»... Полагал именно и только он, т. к. был его начальником!» Так что – когда мы будем говорить о Генштабе, то иметь в виду чаще всего будем лично и именно Г. К. Жукова. В то время когда он там командовал, конечно же.

* * *

Также попробуем выяснить один интересный вопрос – что отработывалось на практически никому сегодня не известных КШИ мая 41-го. Которые были чисто оборонительными, хотя они проходили в те самые дни, когда Василевский по указке Жукова писал тот самый «план от 15 мая» – план превентивного удара по Германии. А также попробуем выяснить – что планировалось по известному «плану от 15 мая» – как Жуков-Генштаб хотел победить Германию, нанеся превентивный удар, почему этот план не реализовывался и какой выполнялся реально?! Ну и – как Г. К. Жуков (и не только он) реализовывал свои (только свои?) планы начала войны непосредственно 22 (с 23-го) июня?

Два плана маршала Жукова Как Сталин «заставлял маршалов считать украинское направление главным в нападении Гитлера на СССР» и что натворил ГШ и Жуков с предвоенным планированием. О «подмене» утвержденных Сталиным «планов войны»

22 июня 1941 года, в 12.00 по радио выступил нарком (министр) иностранных дел СССР В. М. Молотов и объявил о том, что Германия напала на СССР. Однако сам Сталин, глава Правительства СССР и фактический Глава страны, обратился к народу с речью только 3 июля. Почему? Все просто. Утром 22 июня делались попытки через правительство той же Японии связаться с Германией и попробовать «утрясти» ситуацию, превратив ее в «приграничный конфликт». Достаточно быстро выяснилось, что «утрясти» ничего не получится, но в любом случае лучше будет выступить по радио наркому индел Молотову, а глава правительства Сталин оставляет за собой «последнее слово» и обратится к народу, когда ситуация прояснится окончательно, если не получится остановить войну, переведя ее в плоскость приграничных «недоразумений».

Чего еще ждал Сталин?! Прояснения ситуации на границе-фронтах. Дело в том, что по предвоенным планам врага ожидали наши мощные ответы в виде «войны малой кровью и на чужой территории». В каждом округе были свои ударные мехкорпуса (один или даже два из нескольких имеющихся на округ), укомплектованные танками под тысячу штук! Мехкорпуса т. н. первого эшелона, которые вместе с остальными войсками округов должны были в случае агрессии разнести напавшего врага в пыль. Срок им нужен был для такого удара с последующим неминуемым разгромом противника, по задумке наших военных, – несколько дней. Вот эти несколько дней и собирался Сталин выждать, прежде чем обратиться к народу. Сообщить ему о нашей победе над напавшим супостатом. Т. е. обратиться к народу Сталину 22 июня и в следующие несколько дней было в принципе не с чем. Нарком индел уже сообщил все, что надо – враг, нарушив договора о ненападении-нейтралитете и о границах, напал вероломно, наши войска ведут бои на границе с целью наказать агрессора – «Враг будет разбит, Победа будет за нами!» О чем нужно и можно было говорить в следующие дни Сталину? Сообщать сводки Совинформбюро вместо Левитана? Нет. Сталин должен был довести до населения окончательно выясненную стратегическую обстановку – как напал враг, что ему удалось совершить и что делает, чего достигла Красная Армия в ответ и т. п.

* * *

(Примечание. Примерно так же поступает В. В. Путин сегодня – происходит серьезное событие, и только спустя несколько дней на телеэкранах появляется президент страны и все расставляет на свои места. Пока его нет в эфире – начинается брожение и бурление: «Царь пропал»... Затем президент выступает с обращением к народу – например, «Крым-наш», народ успокаивается: «Царь тут», ну а спустя год ВВП рассказывает уже подробно – что он делал в те дни, когда его «потеряли»...)

* * *

Т.е. Сталин должен был дать время Армии на выполнение ее задач и планов на случай агрессии. И либо доложить народу о Победе над напавшим врагом, либо сообщить о возможных проблемах и неудачах и попытаться объяснить их. Но какие все же «планы войны» были в СССР-РККА, что было в предвоенном планировании на случай войны – агрессии и нападения Германии? Попробуем разобраться (кстати – «попробуем разобраться» и есть главная цель данной книги, ведь навязывать свое мнение не есть задача автора).

* * *

О предвоенном планировании, о двух вариантах Генерального штаба Красной Армии по отражению агрессии уже рассказывалось в предыдущих книгах автора. И если в книге «Почему не расстреляли Жукова. В защиту маршала Победы» (М., 2013 г.) пришлось даже заступаться за «маршала Победы», защищая его от «резунов», то тут придется, остановившись подробнее на том, что лично он намудрил с предвоенным планированием, показать и его личную вину за трагедию 22 июня, за трагедию начала войны, которую он и пытался спрятать враньем, уверяя громче всех, что Сталин заставлял его и других работников НКО и ГШ считать, что Гитлер в первую очередь будет бить по Украине. Что там Гитлер разместит свои главные силы, и поэтому в Украину-КОВО надо нагнать побольше наших сил – наши главные силы.

Однако Жуков точно знал и даже надеялся на то, что немцы ударят своими главными (основными) силами по Прибалтике и Белоруссии, а он сумеет нанести ответный удар по неосновным силам немцев – южнее Полесья, на Украине. И это остановит немцев.

Как пишет «генштабист»: разве не логично «на НГУ (направлении главного удара) противника разместить адекватные для обороны силы, а свой главный удар нанести там, где противник слаб? Такие «карусели» во время войны редкостью с 1941-го уже не были. Манштейн эту «карусель» вертел так мастерски и так часто, что только под Харьковом так навалил нам, и далее... что только в конце 44 го научились этот прием парировать. Так в чем Жуков тогда не прав?»

Разместить против главных ударов противника адекватные по численности силы, сдерживать его, а самому попытаться ударить по слабому месту – это логично! Но – именно это и будем мы рассматривать в данном исследовании. Насколько «адекватными» были наши силы, оставленные против основных сил противника, и т. п....

* * *

О том, что нарком обороны Советского Союза маршал К. С. Тимошенко и начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Г. К. Жуков «подменили» единственно утвержденные «Соображения» Шапошникова – Мерецкова на какие-то свои «планы войны» уже писали.

Как пишет «генштабист», неизбежно возникает вопрос: «А точно такая подмена не объективное отражение реальности, создавшейся обстановки, соотношения сил и средств? А точно повтор планов «А-ля Тухачевский» – это плохо? А точно все это было вредительство или неисполнительность? А может «гладко было на бумаге, да забыли про овраги»? А может, не только «хреновые исполнители» виноваты, но и общая «низкая боеспособность войск»? И так – масса сомнений! Так почему уже стоит эти сомнения отбро-

силь? Так «подменили», в итоге – это хорошо или плохо? А если бы «не подменили», уверен, что было бы лучше?»

И чтобы ответить на подобные вопросы, и необходимо начинать «попробовать разобраться».

* * *

К сожалению, в моих предыдущих книгах этому вопросу не было уделено достаточно внимания. И чтобы разобраться с этим, придется более подробно попробовать показать, что и как «подменяли» Жуков и Тимошенко. А для этого надо подробно рассмотреть, какие планы войны были утверждены, что утверждал или с чем был согласен Сталин и что предлагали или что и вместо чего «подменяли» военные в тех планах?

«Генштабист» пишет: «за всю историю 2-й Мировой “строго по плану” действовали успешно только немцы в Арденнах в 1940-м первые 5 дней и первые 12 дней войны в 1941-м, чему сами и удивлялись – ничего не пришлось менять! В военном искусстве ведение и планирование операций разделено не случайно, и не для того планируют, чтобы безусловно выполнять. По плану идет только начало артподготовки, а потом – от результатов ее уже зависит – как пойдет дальше!»

В принципе, это весомый «аргумент». Но! Вся проблема состоит в том, что планирование в нашем ГШ, и это отмечают те, кто этим вопросом пытался заниматься, шло независимо от планов немцев. Это отмечал маршал М. В. Захаров, чьи работы и помогут нам разобраться в этом непростом вопросе: почему немцы почти две недели катились по нашей земле как по маслу – ничего не меняя в своих предвоенных планах?

Также нам поможет разбор того, какие «Игры» игрались по разным планам перед нападением Германии в Генштабе перед 22 июня. И какие вообще были представления в НКО и ГШ РККА тех лет о начале войны и о том, как нам надо отвечать на возможное нападение врага. Тем более что без понимания того, какие планы были в ГШ на случай войны к июню 41-го, сложно будет понять, где и как врет тот же В. Резун и вся его странная, а подчас и слегка неадекватная компания последователей, пишущая вслед за своим «гуру» книги на тему начала войны.

Итак...

* * *

Красная Армия действительно готовилась не к оборонительной войне, а к наступательной. Не по документам, конечно же, а по факту. Сами по себе наши планы, те, которые утверждал Сталин, конечно же были «оборонительные» – войну начали немцы, и по этим нашим планам допускалось до «20 дней обороны». Так что по документам «план был – КОНТРНАСТУПАТЕЛЬНЫЙ». Но, увы, как показывают «генштабисты», к сожалению, пока «никто и ничего еще не объяснил на эту тему внятно и тем более НЕ ДОКАЗАЛ. Есть гипотезы, догадки других авторов, их убедительность под вопросом, так что тема предвоенного планирования еще только требует своего разбирательства и доказательств».

* * *

На самом деле «наступательность» наших планов также обуславливалась даже очертаниями госграниц на западе – на Украине, например. И об этом, не скрывая, писали военные специалисты – правда, в закрытых для «широкой общественности» исследованиях:

«Группировка главных сил в Киевском и Одесском военных округах по дислокации мирного времени делилась на эшелон прикрытия, располагавшийся в приграничной полосе, и эшелон главных сил, располагавшийся в известном удалении от эшелона прикрытия; для Киевского округа это удаление составляло около 250 км.

Войска эшелона прикрытия располагались по фронту, начертание которого точно соответствовало начертанию границы. Отсюда следовало, что если Львовский выступ при наступательном варианте сулил нашим войскам выгоды для охватывающих действий по флангам противника, то при оборонительном варианте (что фактически случилось) этот же выступ давал большие выгоды для охватывающих ударов противника и весьма затруднял наши действия. ...» (М. Д. Грецов. На Юго-Западном направлении (июнь-ноябрь 1941 г.). Москва 1965 г. Для служебного пользования (Гриф снят). С. 9)

Т.е. конфигурация границы, с ее «Белостокским» и «Львовским» выступами, которые вдавались в территорию Польши («Рейха»), и размещение вдоль нее наших войск также «вынуждало» наших стратегов в Генштабе готовиться не к обороне, а к «наступлению». Минимум к ответному наступлению, к активным ответным действиям...

Далее М. Грецов показывает:

«Что касается тактики наступательных действий вероятного противника, то характеристика ее по материалам того же Совещания (31 декабря 1940 года. – К. О.) ограничивалась рассмотрением двух вариантов прорыва.

Схема выполнения первого варианта прорыва преподносилась в таком виде. **Вначале, после сильной артиллерийской и авиационной подготовки, пехота противника прорывает фронт обороны, а затем (на второй – третий день) вступал в действие эшелон развития прорыва (подвижные группы), состоящий из танков, пехоты, артиллерии и т. д., который и будет развивать прорыв в глубину.** Схема второго варианта прорыва рисовалась несколько иначе: подвижные соединения противником не резервируются в начальном периоде операции, а бросаются вперед и разрушают оборону противника (см. материалы Военного совещания, стр. 30–32 и СО).

Как видно будет из дальнейшего, наши предположения о характере начального периода войны основывались на вероятности наступления противника по первому варианту, когда главный удар наносит пехота противника с артиллерией, а не с танками.

Схема ликвидации прорыва противника представлялась так: на флангах продвигающегося противника сосредоточиваются резервы нашей обороны, которые затем обязательно фланговыми ударами “под основание клина” громят прорвавшегося противника. Причем не только контрудары, но и контр атаки мыслились только как фланговые по отношению к противнику – “Оборона, соединенная с наступательными действиями или с последующим переходом в наступление, особенно во фланг ослабленного противника, может привести к его полному поражению” (ст. 222, ПУ – 36).

Такой способ, когда все силы обороны сосредоточиваются против острия клина наступающего противника¹ с задачей вначале огнем с позиций (то есть с места) во что бы то ни стало задержать продвижение прорвавшегося противника, считался невыгодным и пассивным» (с.39)

* * *

Как видите, по воззрениям наших стратегов в ГШ образца 1939–1941 годов ставить против главных сил противника свои мощные силы – не есть смелость и лихость! Это «не выгодно» и «пассивно», не по-гусарски, видимо, точнее – не по-«чапаевски»... Гораздо красившее свои главные силы выставлять на флангах возможных ударов врага и бить там! А все это наложилось на странное убеждение наших полководцев, что **немцы, которые до этого, в той же Польше или Франции сразу бросали в бой свои танковые части, напав на СССР, сначала бросят в бой пехоту. А танки введут не ранее чем через несколько дней!** Поэтому вполне можно оставить против основных сил противника свои менее мощные силы, которые смогут вполне удержать пехоту, а самим ударить в другом месте – танковыми мехкорпусами! Там где противник имеет «неосновные» силы. А за те дни, пока немцы пехотой и артиллерией завязнут в нашей обороне, мы сможем лихо ударить им с флангов, бросив в бой наши танки!

Обо всех этих воззрениях наших стратегов, имевших военное образование на уровне курсов кавалерийских, мы и будем говорить дальше, обо всех этих идеях «наступательной» войны. К данной работе академии Генштаба от 1965 года мы еще вернемся...

* * *

«Резуны» пытаются эту подготовку к «наступательной» войне назвать агрессией – это их дело и проблемы. Но всё время все всегда и говорили, что **Красная армия готовилась именно к наступательным действиям в случае нападения на СССР агрессора. Собирались ответить немедленным «сталинским» ударом на удар.** «Малой кровью, да на чужой земле». В те годы идея активных наступательных действий в ответ на нападение вообще была очень популярна. Все хорошо помнили кровавую позиционную бойню Первой Мировой, и повторения бесконечной окопной войны никто не хотел. Тем более что военные и политики получили в руки новые виды оружия для таких активных действий – танки, автомашины, самолеты и т. п. И кстати говоря, теории «встречных наступлений» именно из Первой Мировой переключались в войну новую.

Хотя как справедливо отмечают умные исследователи, все заявления о том, что Красная армия ответит немедленным «сталинским» ударом и одержит победу «малой кровью, да на чужой земле», были чистой воды пропагандой, руководство страны прекрасно понимало, что война будет тяжелой и затяжной. Тот же В. М. Молотов говорил потом знали, что придется отступить, не знали только, «докудова», до Смоленска или Москвы. И реальные рабочие планы, одобренные Сталиным, были не о немедленных ответных ударах, а о нормальной обороне.

¹ Курский вариант обороны 1943 г.

* * *

Каждый год по ТВ показывают к/ф Озерова «Битва за Москву», снятый до выхода в свет «открытий и разоблачений» В. Резуна, и там, в уста героев именно это и вкладывают – будем воевать на чужой земле, ответим ударом на удар сразу, как только враг нападет, не допуская захвата своей земли. Ни пяди. И все мемуаристы описывают, что все последние месяцы перед Войной в дивизиях западных округов отрабатывались именно наступательные действия войск по прорыву немецких укреплений, а не к обороне готовились. Этого никто особо не скрывал, и нечего «резунам» тут конспирологию разводиться и искать некую тайну.

При этом на границе активно шло строительство УРов, и делалось это не потому, что бетон больше девать некуда было или население местное нечем было занять. Нет, все это делалось именно по тем «планам войны», что были одобрены Сталиным – противник нападет, и мы активной обороной должны удержать его на время, необходимое для подготовки к ответным действиям своих главных сил. И кстати, подобные планы существовали и действовали в СССР и после войны – если враг нападет, мы начинаем мобилизацию официально только после нападения. А значит, нам придется держать удар, вести оборону всё то время, пока идет мобилизация и развертывание новых частей. Ведь провести полноценную мобилизацию заранее, даже если вы и узнали о неких намерениях соседа-противника, вы не сможете в любом случае. А вдруг сосед не нападет, а вдруг сроки перенесет? А вдруг вам вообще показалось, что он нападать собирается? Но держать в таком состоянии свою экономику невозможно. Опять же – если вы проводите в стране полномасштабную мобилизацию, а сосед не собирается нападать, то агрессор вы...

Но. Именно в планах Наркомата обороны и Генштаба на случай начала войны одновременно и предусматривалось нанесение ответных ударов по напавшему врагу. Желательно сразу на его территории. И для того чтобы говорить о «трагедии 22 июня», в первую очередь и надо сначала разобраться – какие предвоенные «планы войны» были у НКО и ГШ к лету 1941 года, как они проигрывались на различных штабных «играх». Какие из них были одобрены-утверждены Сталиным, а какие были инициативой военных в ГШ. А разобравшись с предвоенным планированием, и можно будет, сравнив, увидеть – что произошло в реальности, как и что натворили, чтобы произошла трагедия 22 июня. Т. е. разобраться, была ли произведена «подмена» утвержденных Сталиным «планов войны» и каким образом это произошло.

А иначе, не разобравшись с этим предвоенным планированием, сложно будет опровергать тех же «резунов».

* * *

Большинство историков, не вдаваясь в подробности, рассуждая о предвоенном планировании РККА, чаще всего разбирают «план войны», по которому вроде как и готовилась наша армия к войне – «Соображения от 11 марта» 1941 года, опубликованные в 1998 году в «малиновке» (сборник документов «1941 год» в 2 кн. МФ «Демократия» под редакцией А. Яковлева).

Исследователь Ю. Г. Веремеев, на своем сайте разбирая как окружные планы, так и те же «Соображения от 11 марта» 1941 года отмечает что: «Не вполне понятно, почему план не подписан ни Жуковым, ни Тимошенко, хотя их подписи стоят на картах и на всех картах имеется подпись Сталина синим карандашом».

* * *

Что это значит? К марту 41-го в ГШ уже должны были отработать варианты отражения агрессии-нападения. Но «Соображения», которые рассматривает сам Веремеев, – это не более чем некий черновой «южный вариант» развития событий, в котором главные силы РККА выставляются против главных сил противника. Также к этому времени должны были разработать и представить Сталину и «северный вариант», в котором наши главные силы выставляются против главных сил Германии, но уже севернее Полесья. И уже исходя из обстановки (данных разведки о сосредоточении немецкой группировки, политической обстановки и т. п.) и был бы запущен к исполнению либо «южный», либо «северный» вариант подготовки нашей обороны.

Должны ли эти два варианта «Соображений» иметь подписи наркома и начальника ГШ? Должны. Если это окончательные варианты, то свои подписи нарком и нач. ГШ на них бы поставили.

На картах есть подпись Сталина (как уверяет Веремеев, который лично их видел в ЦАМО), но почему же тогда на самих «Соображениях» нет подписей наркома и начальника ГШ? Боюсь, ответ может не всем понравиться – нарком и начальник ГШ умышленно не поставили свои подписи, потому что не собирались исполнять эти «Соображения», т. к. воевать они собирались по другому варианту.

* * *

(Примечание. «Генштабист»: «А требовались ли их подписи на документе с названием «Соображения» вообще? Может, это всего лишь пояснительная записка наверх с доступным и обобщенным изложением. А рабочий план – это карты с названием «План...», с пояснительными записками и директивами, в том числе по видам обеспечения, по их исполнению. Т. е., возможно, данные конкретные «Соображения» – это не более чем доклад, текст, чтобы не забыть. Для доклада возле карты, как документа устно. На утвержденных картах с названием «План... операции», «План технического обеспечения операции...», «План тылового обеспечения операции...» – вот там и стоят подписи наркома и нач. ГШ. А зачем она на под-ручном материале докладчика? Там достаточно учетного номера.

Т.е. вполне может быть, что то, что мы знаем как опубликованные «Соображения», это не более чем наброски для доклада Сталину. Черновики тех документов, которые имеют подписи и хранятся в архивах до сих пор...)

* * *

Скорее всего, они приносили Сталину на рассмотрение и согласование этот черновик – как «южный» вариант отражения агрессии и схемы к нему, исполненные на «политической» карте. Сталин выслушал доклад, дал команду готовить к утверждению чистовой вариант и – карты к нему исполненные на «топографических» картах. А черновик этого текста «Соображений» к этим картам подписывать не стал – черновик он и есть черновик.

Затем военные опять приносили к Сталину уже на утверждение и окончательный «план», и карты к нему. Примерно к концу апреля. Ведь этот черновик – от марта. А закончить военные должны были эти «Соображения» как документ – к 1 мая. Т. е. в марте его носили не на утверждение как таковое – перечерканный черновик – а для некоего «согласования». Однако военные в принципе не собирались воевать по этому варианту «плана

войны». Поэтому данные конкретные «Соображения от 11 марта» не имеют к «южному» варианту ГШ, по которому и шла подготовка к нападению Германии, прямого отношения, и вот с этим и будем разбираться...

Ю. Г. Веремеев: «при планировании потенциальных боевых действий должно рассматриваться и всегда рассматривается некое МНОЖЕСТВО вариантов, поскольку невозможно однозначно предугадать возможные действия противника. Что и происходило. Сами немцы рассматривали самые различные варианты войны против СССР. Когда в июле 1940-го они начали планировать войну, то ОДНОВРЕМЕННО нескольким генералам были поручены разработки независимо друг от друга. Из них наиболее известны планы Маркса, Зоденштерна и Паулюса. Естественно, что и наши планы отражения агрессии должны и были многовариантными».

* * *

Подполковника Советской Армии Веремеева поправляет «генштабист», полковник СА и РА: «Рассматривается, просчитывается, моделируется, отрабатывается на КШТ (Командно-штабных тренировках) много вариантов, но утверждается один итоговый ДОКУМЕНТ! И исполняют ОДИН ПЛАН, а вот в ходе сражения (боя) управляют войсками, СТАРАЯСЬ придерживаться плана, а иногда, при резких изменениях обстановки, и в принципе от него отказываются, переходя на «ручное» управление постановкой задач в ходе сражения (боя), и иного быть не может! Материальных средств никогда не хватит на два принципиально разных плана! Мы же не американцы, которые воевать не начинают, пока банановый сок не подвезли. И ресурсы у нас крайне ограничены, и как их ни запасай, а «впихнуть» в тыловую зону боев и обеспечить глубину оперативных (боевых) задач за счет подвоза автотранспортом материальных средств более чем на 400 км ни у кого во время 2-й Мировой не получалось! 400 км, не более, и опять пополнять запасы!»

Т.е. наш Генштаб мог готовить, только один рабочий «план войны». Но при этом рассматривал, конечно же, различные варианты...

Но запомните имя Зоденштерна – мы с ним еще встретимся...

* * *

В книге «Сталин. Кто предал вождя накануне войны?» и «Почему не расстреляли Жукова? В защиту маршала Победы» уже сравнивались различные известные на сегодня «мартовские» «Соображения». Все они, так или иначе, появились в исторической науке после публикации в 1998 году в «малиновке». И везде действительно нет подписей наркома и начальника ГШ.

Все эти «Соображения от 11 марта 1941 года» имеют различия: тот, что в «малиновке», написан от руки и заверен Василевским (гражданский исследователь архивов, «широко известный в узких кругах» военных форумов интернета С. Л. Чекунов подтверждает, что это рукопись), а «вариант Веремеева» – отпечатан на машинке, но имеет подпись Василевского. С. Л. Чекунов, изучавший как эти «Соображения от 11 марта», так и «Соображения от 15 мая», пишет, что «в обоих случаях подписи Тимошенко и Жукова только заделаны (обозначены для подписи – К. О.), подпись исполнителя есть только в первом». Т.е. «Соображения от 11 марта» – это рукописный или печатный текст, подписанный только Василевским как исполнителем. Но на нем ни нарком, ни начальник ГШ свои подписи не поставили – т.е. это не более чем черновик, который, однако, обрабатывался в полном соответствии с указаниями Сталина осени 1940 года.

Как указал автору любитель военной истории (майор танковых войск запаса, по службе занимавшийся именно «мобработой»), А. Севагин: «На документе Веремеева написано: «Особо важно. Совершенно секретно. Только лично. Экземпляр единствен». Вообще-то всегда пишется «Совершенно секретно», а потом «Особой важности». Требования к оформлению документов в армии всегда одинаковы, и любой исполнитель их прекрасно знает. Он не может писать произвольно, как ему хочется. И уж точно нет такого «грифа» – «особо важно». И еще, если экземпляр единственный, то какие могут быть копии, заверенные Василевским?»

* * *

Смотрим «мартовский вариант от Веремеева»:

«Особо важно

Совершенно секретно

Только лично

Экземпляр единствен

ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ тов. МОЛОТОВУ

В связи с проводимыми в Красной Армии в 1941 году крупными организационными мероприятиями докладываю на Ваше рассмотрение уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке.

<...>

III. ВЕРОЯТНЫЕ ОПЕРАТИВНЫЕ ПЛАНЫ ПРОТИВНИКА

Документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб не располагает.

Наиболее вероятными предположениями стратегического развертывания возможных противников могут быть:

На Западе.

Германия вероятнее всего развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу или концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

<...>

Народный Комиссар Обороны СССР

Маршал Советского Союза

_____ С. ТИМОШЕНКО

Начальник Генерального штаба К. А.

генерал армии

Г. ЖУКОВ

Исполнитель

генерал-майор (подпись) ВАСИЛЕВСКИЙ

11.3.41» (ЦАМО. ф.16, оп.2961, д.24)

* * *

На «Соображениях» Шапошникова августа 40-го написано как положено: «**Особой важности**. Сов. секретно. Только лично». А тут – «особо важно». Однако на той же «записке Тимошенко» от 14 октября 1940 года «№ 103313/со/ов», написанной от руки и подписанной Тимошенко (НКО) и Мерецковым (нГШ), данный «гриф» имеется: «Особо важно. Совершенно секретно». Но эти фразы зачеркнуты и далее тем же почерком – «Только лично. В одном экземпляре» (см. сайт МО РФ «Документы. Накануне войны»).

Такого грифа секретности сегодня – «Особо важно» – точно нет. Возможно, он был тогда? Нет. Не имея возможности назвать «источник», можно однозначно утверждать: такого «грифа» в СССР никогда не существовало! По некой «инструкции» о секретном делопроизводстве, разработанной еще при Ягоде, в 1934 году, и утвержденной Сталиным, было только – «секретно, «совершенно секретно» и «особой важности».

Василевский, как грамотный (в отличие от некоторых тогдашних стратегов в ГШ) генерал, мог так написать «гриф секретности»? Ведь он же не «ошибся» с этим, когда лично исполнял «Соображения» лета 40-го для Шапошникова:

**«№ 95. ОБ ОСНОВАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР б/н [не позже 19 августа 1940 г.]**

Особой важности Сов. Секретно

Только лично

Докладываю на Ваше рассмотрение соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы.

<...>

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза (С. Тимошенко)

Начальник Генерального штаба

К[расной] А[рмии]

Маршал Советского Союза Б. Шапошников» (ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп.2951. Д.239. Лл. 1-37. Рукопись на бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Имеется помета: «Написано в одном экземпляре. Исполнитель зам. нач. Опер. упр. генерал-майор **Василевский**». Подлинник, автограф Б. М. Шапошникова.)

* * *

К сожалению фотоскана этих «Соображений» пока не опубликовано – чтобы можно было сравнить почерк Василевского на разных документах. Впрочем, умельцев подделывать почерка у нас всегда хватало.... Но я почему-то думаю, что Василевский сам писал все эти три документа и он умышленно изменил грифы, когда писал «записку от 14 октября», или «Соображения от 11 марта». И, скорее всего, документы, где изменены грифы секретно-

сти не более чем подделки, написанные Василевским, которые должны были убедить историков, что дурное расположение наших главных сил в КОВО – это заслуга Сталина.

Возможно, что поменять местами фразы «Особой важности» и «Совершенно секретно» вполне допустимо в таких документах, и возможно сами военные могли «по незнанию» писать иной раз – «особо важно». Однако в мае 41-го, в «плане от 15 мая» Василевский писал правильно – «Совершенно секретно. Особой важности. Только лично. Экземпляр единств.».

В общем, повторяюсь – нужны фотокопии этих документов...

* * *

Есть еще один вариант «Соображений от 11 марта», отпечатанный на машинке. О нем подробно показывалось в книге «Почему не расстреляли Жукова. В защиту маршала Победы», и на этом варианте стоят грифы и штампы «**Строжайше секретно**» или «С документом ознакомлен т. Сталин», что вообще полный бред. Более подробно эту подделку разобрал в своем масштабном исследовании трагедии 22 июня А. Б. Мартиросян – «22 июня: Блицкриг предательства. Детальная анатомия трагедии», в 2 томах (М. 2012 г.), который опубликовал фотокопию первого листа отпечатанных на машинке этого варианта «Соображений от 11 марта», которая также хранится в ЦАМО. И Мартиросян показал, что на самом деле этот конкретный документ – точно фальшивка. Но зачем, спрашивается, столько фальшивок на «душу» одного документа?

* * *

Если карты к «мартовскому» варианту завизированы самим Сталиным, то и «Соображения» должны бы иметь его подпись и тем более должны быть, хотя бы, подписи наркома и нач. ГШ. Хотя бы и после представления черновика Сталину. Ведь военные, получив команду отработать ДВА варианта отражения агрессии, выполнили команду «тирана» и у него просто не было причин не подписать уже окончательные чистовые варианты. Если они тем более выполнены точно по его «рекомендациям» и указаниям – против главных сил противника выставляются наши основные силы.

Конечно, на доклад к Сталину, где будут рассматриваться и карты, совсем не обязательно подписывать текст, по которому будет делаться доклад. Но имеющиеся на сегодня **разные** «Соображения от 11 марта» – не только черновики. Это еще и явные фальшивки, состряпанные на основе настоящих, которые должны иметь подписи, как и положено, минимум НКО и ГШ, которые хранились изначально не в ЦАМО и явно отличаются от тех, по которым собирались воевать Тимошенко и Жуков. Чем? Тем, где ожидалось главные силы немцев – их главный удар.

Есть еще и карта, найденная С. Л. Чекуновым в ЦАМО, к этим Соображениям от 11 марта». Как утверждает Чекунов: «На мартовской карте есть только подпись Василевского, как исполнителя. Кроме того, «заделаны» подписи Жукова как НГШ и начальника ОУ без расшифровки фамилии (Ватутин уже перестал им быть, а Маландин еще не приехал)».

Т.е. подписей наркома и начГШ на этой карте в отличие от «Веремеевской» нет. Подготовлена только фамилия Жукова, рядом с которой Жуков должен был расписаться, и, самое важное, **главные силы немцев на этой «мартовской карте», а точнее схеме, по словам Чекунова, обозначены против КОВО!** С. Л. Чекунов: «Схема к мартовским Соображениям исполнена 24.02.1941 г. Имеется заголовок «Южный вариант». Схема выполнена на склейке «политической» карты, данные о противнике нанесены в виде количества дивизий на направлениях, написано черными чернилами, разграничительные линии между

фронтами и армиями показаны сплошными линиями, с учетом «включения-исключения» населенных пунктов. Имеются мехкопуса, выполненные в виде черных ромбов с красной заливкой с обводом мест расположения».

Почему Веремеев видел карту с подписями, а Чекунов – карту без подписей? Все просто – Веремеев уверяет, что изучал карту топографическую и генштабовскую, военную, а Солонин и Чекунов изучали карты политические – схемы, которые, возможно, и показывались Сталину с черновиками на предварительном рассмотрении. После чего исполнялись уже окончательные карты – «топографические», с окончательными текстами самих «Соображений», которые потом еще раз показывались Сталину и визировались им и наркомом и нГШ.

В общем, увы, в ЦАМО рассекречены, похоже, только черновики «Соображений от 11 марта» к докладу Сталину и такие же черновые «Схемы» на политических картах к этому докладу. А прочие различные «копии» к этим «Соображениям» – это не более чем «исторический мусор», как тот же «План от 15 мая». Однако и эти карты и «Соображения» к ним, в которых главные силы противника ожидаются против Украины и там же выставляются и наши главные силы – это именно «южный», черновой вариант отражения агрессии, по которому и должны были в ГШ готовить РККА к войне. На пару с «северным».

* * *

Исследование «1941 год – уроки и выводы» (а точнее, автор главы «**2.2 Оперативно-стратегическое планирование**» кандидат исторических наук, доцент полковник А. А. Кудрявцев) еще в 1992 году указало такие реквизиты хранения («первых») «Соображений» по «южному» варианту – «ЦАМО, ф. 16А, оп. 2951, д. 242 л. 87». «Дело» хранения (№ 242) отличается от того, что приводит «малиновка» (№ 241) и фонд не «16» а «16А». Этот «южный» вариант представлялся правительству еще «14 октября 1940 г.». Но это был «вариант» еще Мерецкова (о нем чуть позже).

На всех, на сегодня опубликованных «южных Соображениях» от «марта 1941 года», нет подписей Жукова и Тимошенко и нет соответственно утверждающих подписей Сталина или Молотова. Для чего нужны эти черновики? С одной стороны, они демонстрируют, что и «Соображения» («план») от 15 мая» не просто черновик, а план, вытекающий из уже «агрессивных» предыдущих «Соображений», от марта 41-го. Мол, РККА изначально и всегда готовилась только к нападению, к агрессии! Такое «объяснение» вполне подходит «резунам», но оно не совсем верно – ведь эти «Соображения» появились тогда, когда о «резунах» никто даже не слышал. Тем более что «резуны» до недавнего времени не очень и понимали, что «мартовские Соображения» – это не более чем часть общих «Соображений» Шапошникова-Мерецкова, вариант отражения агрессии, а не отдельные и самостоятельные документы.

С другой стороны, и это «логичнее» – черновые и тем более липовые «Соображения от 11 марта 1941 года» и такие же черновые карты от 24 февраля 41-го к ним появились для публикации для того, чтобы скрыть ту самую «подмену» единственных утвержденных «Соображений» по «южному» варианту, которые одобрил Сталин. А Сталин одобрил именно такой расклад – главные силы РККА выставляются против главных сил противника. Т. е. – именно то, что и прописано в «Соображениях от 11 марта» на самом деле.

В «малиновке» опубликован не просто не подписанный никем вариант, так он еще и без ключевой детали – не показан расклад сил по западным округам. А ведь самое важное в «Соображениях» – это размещение сил противника по направлениям. Где, какие силы против наших округов ожидаются. Но в 2011 году были опубликованы таки «Соображения» марта 1941 года, «б/н», с реквизитами – ЦАМО РФ. Ф.16. Оп. 2951. Д. 241. Л. 1-44.

В публикации опущена часть текста, касающаяся развертывания РККА на Дальнем Востоке (поэтому листы хранения оканчиваются на «44»). Но это уже более полный вариант данных «Соображений».

Также указано – данные «Соображения» **«Без подписи»** («1941: документы и материалы к 70-летию начала Великой Отечественной войны: в 2 т.» Сост.: Ю. А. Никифоров, к. и. н., и др... – Санкт-Петербург: ФГБУ «Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина», 2011 г., с. 280. Выложен на сайте «Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина»). Так вот, в этом сборнике документов данные «Соображения» показаны именно как черновик, в коем полно зачеркиваний и поправок, и чуть позже мы этот очередной вариант разберем. Т. е. данная «Записка о стратегическом развертывании» от марта 1941 года не более чем черновик. Но силы наших округов в этом черновике показаны: в КОВО наши главные – против главных сил врага. Гриф секретности – отсутствует. Указано – «Только лично. Экземпляр единствен.(ый) ЦК ВКП(б) тов. Сталину тов. Молотову». По крайней мере – так опубликовано, фотоскана – нет, и возможно, грифы просто зачеркнуты при рассекречивании, а публикаторы решили, что показывать гриф не обязательно. Реквизиты – соответствуют «Соображениям от 11 марта» из «малиновки» и тем, что показывает С. Чекунов.

* * *

Историки и исследователи фантазируют о предвоенном планировании СССР именно и прежде всего по этим черновикам. Но это как минимум ошибка, а максимум – глупость и безграмотность. Судить о предвоенных планах войны Сталина-СССР надо по несколько другим документам, на основе которых и писались данные «весенние» черновики. И первоначальным «планом войны», на основе которого и писались потом разные варианты «Соображений» вплоть до 22 июня, – это «Соображения Шапошникова» от июля-августа 1940 года. И наш разбор предвоенных планов СССР мы и будем вести именно с этого «плана». В котором четко прописывалось – если враг выставит свои главные силы севернее «полесья», то и мы там будем выставлять свои главные – в Прибалтике и Белоруссии. Если южнее – то и мы там же поставим свои главные – южнее полесья, на Украине. И именно на основе этих предложений Шапошникова августа 40-го и сочинялись потом в ГШ все остальные планы-«Соображения».

* * *

«Соображения» – это, примерно, как пояснительная записка к дипломному проекту. Помимо соображений есть еще план. Планы можно писать, какие угодно. Но представьте себя на месте руководителя, которому принесли на утверждение план развертывания. Развесили на стене карты с таблицами, красиво оформленные, доложили четким командным голосом, что это будет так и так. Все вроде хорошо, но у любого руководителя сразу возникает несколько маленьких, простеньких и, даже можно сказать, наивных вопросов. А как вы, главные мозги нашей армии, собираетесь его выполнять? Где вы собираетесь людей-то брать? Как их собираетесь доставлять в части? Где собираетесь технику брать и сколько? А возможности предприятий и колхозов вы учли? Вы вон сколько войск в округа нагнать собираетесь, мех-корпусов развернули. А у вас есть столько специалистов? Ну, с заряжающими понятно, их можно быстро подготовить, стрелков и пулеметчиков тоже, а вот командиров, наводчиков и механиков-водителей? Как вы их готовить собираетесь, в какие сроки, сколько и где? И вообще, как ваш план развертывания соответствует утвержденному мобилизационному плану на 1940–1941 год? (Кстати, мобилизационный план принимается на два года, что тогда, что после войны, это особенность мобилизационного планирования). Что,

нужно составлять новый? Ну, и как вы, на месте руководителя, подпишете новые соображения, которые не обеспечены мобпланом?» – А. Севагин.

Военного исследователя Севагина немного поправил такой же военный исследователь М. Нейман – «Вы ошиблись с очерёдностью. Сначала принимается план стратегического развёртывания, а под него разрабатывается Моб. План. Вообще, ГШ – это орган стратегического планирования, и разрабатывая варианты стратегического развёртывания, обязательно учитываются возможности страны. И Моб. План может быть принят и на значительно больший срок, если обстановка стабильна и не планируется резкое увеличение ВС. Естественно, по необходимости вносятся изменения. Как, кстати, и Планы стратегического развёртывания».

* * *

Насчет мобплана, который принимается на два года. «Резуны» очень переживают, что «Соображения» от августа-сентября 1940 года ну никак «не могли» быть «в силе» к июню 41-го. Но как видите, срок «годности» в полгода для «планов войны» вполне нормальное дело.

«Соображение это не План действий, это только расстановка фигур на шахматной доске при решении этюда. При составлении оперативных документов существует следующее правило – **начинать от противника**. Если в документе на первом месте идёт анализ, например западного развёртывания, то при планировании наших действий в первую очередь идет **ответ именно на западный вариант действий противника**. Что касается потом подошедших армий внутренних округов – в «Соображениях» сразу учтены ВСЕ силы РККА за исключением оставленных на охрану границ, и сил, назначенных против финнов и удара из Норвегии Т. е. резерв из тыловых округов не предусматривался, да его и не было». – М. Нейман.

Т.е. против главных сил врага надо ставить свои главные силы. По крайней мере, очень желательно. И свои расчеты строят именно с учетом сил противника и направлений его возможных ударов. И армии внутренних округов сразу рассчитываются в помощь приграничным округам, хотя они и находятся в резерве Главного Командования (РГК)...

* * *

(Примечание. Как пишет полковник ГШ РФ: «Уже во время войны тот же Степной фронт, например, формировался с другими целями, а обстановка уже ЗАСТАВИЛА часть его сил «раздергать» и передать ведущим непосредственно сражение фронтам, так что утверждение более чем спорно на «все сто»! Ни 5А, ни 5ТА, изначально передавать Ватутину не планировали «изначально»...)

* * *

Итак, к сентябрю 1940 года в ГШ имелся «план войны», в котором против главных сил немцев выставляются наши главные силы. Но в октябре 1940-го Генштаб собирался отработать со всей документацией уже ДВА новых варианта отражения агрессии – наши главные силы в ПриОВО-ЗапОВО и ответный удар оттуда же по главным силам вермахта и наш ответный удар из КОВО при главных силах вермахта все там же – в Пруссии и северной Польше. При этом, конечно же, «отработать – не равно утвердить и ввести в действие».

Однако «Мартовские Соображения» из «малиновки» и из «1941: документы и материалы к 70-летию начала Великой Отечественной войны: в 2 т.» такие – главные силы РККА в КОВО против главных сил Германии, которые якобы ожидаются против Украины. Т. е. похоже, что в ГШ готовили (просчитывали?) к лету 41-го даже не два, а четыре варианта отражения агрессии-нападения Германии!

В итоге по «южному» варианту и начали НКО и ГШ действовать в июне 41-го и подготовили те же «планы прикрытия» округов в начале мая. Но к «Соображениям» из «малиновки» они не имеют отношения. Т. е. **весной 41-го в Генштабе «южный» вариант был такой: наш мощный ответный контрудар по слабому флангу наступающего севернее главными силами противнику.** Однако более вероятно, что Сталин не одобрял вариант ответного удара из КОВО по неосновным силам врага и мог утвердить только такое размещение войск – главные силы РККА против главных сил немцев. Откуда это известно?

Попробуем в этом разобраться.

* * *

В опубликованных на сегодня «Соображениях от 11 марта» что из «малиновки» (от 1998 года), что «от Веремеева», что из публикации 2011 года указано, что главный удар Гитлера надо ждать по Украине:

«Германия вероятнее всего развернет свои **главные силы** на юго-востоке от Седлец до Венгрии, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу или концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

<...>

При изложенном предположительном варианте действий Германии можно ожидать следующего развертывания и группировки ее сил:

к северу от нижнего течения **р. Западный Буг** до Балтийского моря – **30–40** пехотных дивизий, 3–5 танковых дивизий, 2–4 мотодивизий, до 3570 орудий и до 2000 танков;

к югу от р. Западный Буг до границы с Венгрией – до **110** пехотных дивизий, 14 танковых, 10 моторизованных, до 11500 орудий, 7500 танков и большей части авиации».

* * *

Южнее от г. Седлец и до Венгрии – это как раз южнее Бреста и до Львова. В этом районе якобы ожидаются главные силы немцев и их союзников и это южнее «припятских болот».

Однако это вранье. Главный удар немцев по Украине как вариант нападения Германии ждали, но не весной 41-го, а, по общим «Соображениям» Шапошникова – Мерецкова еще осенью 1940 года. Как возможный, но не очень «серьезный» вариант. А весной 1941 года главный удар Германии ждали уже только севернее припятских болот.

Пора процитировать самое серьезное и профессиональное исследование по предвоенному планированию на сегодняшний день «1941 год – уроки и выводы» **еще от 1992 года** об этом. А заодно расскажем «резунам», которые заявляют сегодня, что «Соображения» Шапошникова-Мерецкова от сентября 1940 года были «отменены» к июню 41-го,

так как «устарели». Что же творилось с предвоенным планированием в Генштабе РККА в те месяцы?

* * *

Во-первых, «Соображения» Шапошникова-Мерецкова писались не на 1940 год, а на «1940 и 1941 годы». Т. е. с учетом перспективы. Перед войной «Соображения о стратегическом развертывании РККА» писались в середине года, к осени каждый год, и новые действовали примерно до осени следующего года. Во-вторых, «Соображения» о стратегическом развертывании – это документ прежде всего «общего плана», в котором не расписываются задачи для отдельных дивизий, но показывается главное – кто вероятный противник, где будут размещаться его главные силы, где он нанесет этот главный удар и сколько он может выставить своих войск на момент написания этих «Соображений» и вообще исходя из возможностей своей экономики. А также в этих «Соображениях» будет показано, сколько и где будет выставлено на случай войны наших войск. При этом сами по себе общие «Соображения» в принципе не могут быть ни «нападательными», ни «оборонительными». И все «Соображения» как до Войны, так и после нее писались примерно одинаково – вероятный противник-сосед имеет такие-то возможности и планы, а мы можем ему противопоставить такие-то свои ответные действия. Т. е. в случае необходимости, в принципе, можно по этим «планам» как «обороняться», предоставив противнику право первого удара, так и наступать первыми.

В общем, эти планы общего порядка по сути «нейтральные». И сдуру можно, конечно, пытаться на них «доказывать», что Сталин собирался напасть первым, и «резуны» именно этим и промышляют, показывая свою общую либо безграмотность в военных вопросах, либо подлость. Ведь «Планы нападения», которые сочиняли в то время немцы или японцы, изначально имеют установку в самом тексте – мы нападаем первыми! Наши же «нейтральные планы войны», которые и утверждал Сталин (одобрял минимум), по сути все же именно оборонительные. Это тем более видно, если сравнивать их с «нападательными» планами нашего же ГШ тех дней – того же «плана от 15 мая»! Они – разные. Т. е. планы Шапошникова-Мерецкова-Жукова августа 40-го, марта 41-го оборонительные. А план Жукова-Василевского от 15 мая, черновик никем не подписанный, – о нападении первыми.

* * *

С учетом изменения обстановки, изменения количества войск, направлений главных ударов с вражеской стороны также могут появляться и вноситься изменения в эти «Соображения». В этом нет ничего необычного, и в реальности велась постоянная корректировка этих «Соображений». При которых могли вноситься изменения по количеству войск как немецкой (расчет немецких сил и средств делался по возможностям экономики Германии предпринять нападение и вести войну), но прежде всего нашей стороны. Но суть «Соображений» не менялась! Главное в них: где будет враг наносить основной удар и где надо размещать наши войска. Короче, «Соображения» – это вроде «конституции». Она вроде как «незыблема», но после внесенных «поправок» в итоге уже не совсем та, что была принята изначально. Однако каждые полгода план не меняют, если нет серьезных изменений.

Общие «Соображения» Шапошникова-Мерецкова от сентября 1940 года уже предусматривали два варианта отражения агрессии, и к весне 1941-го их должны были довести до ума. В мае 41-го в самом ГШ Жуков выдвинул предложение нанести превентивный удар («план от 15 мая»), который остался черновиком, а в середине июня 41-го Жуков попытался

сочинить еще «Соображения о стратегическом развертывании...», которые просто не успели рассмотреть.

Итак, смотрим, что пишут по предвоенному планированию в исследовании «1941 год – уроки и выводы», которое писалось в 1992 году как некий «ответ» на появившиеся в конце 80-х в Лондоне гипотезы В. Резуна:

«Следует также иметь в виду, что разработка планов в предвоенные годы в значительной степени определялась сложными и противоречивыми условиями военно-политической обстановки. Особенно напряженно проходил процесс планирования в Генеральном штабе в последний перед войной год. Резко возросшая опасность нападения на Советский Союз требовала от Генерального штаба большой оперативности, с тем чтобы своевременно вносить необходимые изменения в оперативные и мобилизационные планы. Так, только с лета 1940 г. и до начала войны не менее пяти раз (июль, сентябрь, октябрь 1940 г., март, май 1941 г.) перерабатывались **«Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.»**, составлявшие главное звено в оперативных планах войны.» («1941 год – уроки и выводы», М. 1992 г., с. 52)

* * *

Как пишет «генштабист», делалось это с учетом прежде всего «хода переброски войск немцами, который не остался незамеченным, «всплеска» разведывательной информации и неоднозначностью создающейся и непрерывно меняющейся обстановки с нарастанием неопределенности».

* * *

«Перерабатывались» в данном случае не значит изменялись по сути, но – уточнялись и доводились до ума, и «Соображения» осени 40-го – весны 41-го все предусматривали активную оборону, с нашими ответными действиями не ранее готовности наших главных сил к этим ответным действиям.

Как видите, в марте 41-го действительно прорабатывались окончательные, судя по всему, варианты – «южный» и «северный». По одному из них, «южному», и вступил СССР в войну. Но что это был за «южный» вариант и где в нем ожидалось главные силы немцев? Ведь Шапошников изначально предлагал только такой вариант размещения наших войск: главные силы РККА против главных сил противника. И «Соображения» Мерецкова сначала строились по такому же принципу.

В связи с изменением общей международной обстановки и появлением новых границ у СССР «оперативный план, утвержденный правительством в ноябре 1938 г., оказался нереальным. В Генеральном штабе под руководством его начальника Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова после окончания советско-финской войны разрабатывался основной документ «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.». Первый вариант плана был разработан **к середине 1940 г.** Однако ввод советских войск на территорию Прибалтийских республик, в Северную Буковину и Бессарабию, а также формирование новых соединений потребовали существенной доработки этого документа.

Во исполнение решения Главного военного совета от 16 августа 1940 г. **18 сентября** Советскому правительству был представлен доклад «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.». При разработке этого документа прежде всего тщательно изучались наиболее вероятные противники **на главных и второстепенных театрах военных действий. Оценивались предполагаемые ими замыслы, количество противостоящих сил и средств на каждом стратегическом направлении»** (указанное сочинение, с. 53).

* * *

Т.е. после решения «финской проблемы» Генштаб Шапошникова вместо устаревших «Соображений» 1939 года разработал к июню-июлю 1940 года новые «Соображения», но к августу 40-го ему пришлось готовить еще одни – в связи с присоединением новых территорий – Бессарабии-Молдавии.

А теперь о том, что было сутью «Соображений» Шапошникова и что потом оставалось неизменным и до 22 июня 41-го в рабочих, «утвержденных» (точно одобренных) Сталиным «планах войны».

«Наиболее сильным противником на Западе считалась Германия. Всего же на границах Советского Союза, по оценке Генерального штаба, вероятные **противники могли сосредоточить 280–290 дивизий**, 11750 танков, 30 тыс. орудий и 18 тыс. самолетов. При этом фашистская **Германия с сателлитами** (Финляндия, Румыния, Венгрия) **будет способна выставить 233 дивизии**, 10550 танков, 15100 самолетов, а на Востоке Япония – до **50 дивизий**, 1200 танков и 3 тыс. самолетов.

Не исключалось, что в сложившейся обстановке нападение фашистской Германии на СССР возможно еще до окончания войны с Англией.

Главным вопросом в оценке оперативно-стратегических замыслов противника **являлось определение его главного удара.**

Анализ данного доклада и предшествующих планов показывает, что **Генеральный штаб достаточно обоснованно определил развертывание главных сил фашистской Германии к северу от устья р. Сан в целях нанесения и последующего развития главного удара в направлении на Ригу, Каунас и далее на Двинск, Полоцк или на Каунас, Вильнюс и далее на Минск.** Удар на Ригу мог быть поддержан высадкой морских десантов в районе Либавы и захватом островов Даго и Эзель в целях последующего развития наступления на Ленинград. **Вспомогательные удары вероятны из районов Ломжи и Бреста на Барановичи, Минск.** Считалось, что одновременно с главным ударом следует ожидать удара из Восточной Пруссии в целях выхода в тыл львовской группировке советских войск и овладения Западной Украиной.

Не исключалась возможность, что противник с целью захвата Украины может нанести главный удар в общем направлении на Киев. В этих условиях наступление из Восточной Пруссии рассматривалось как вспомогательное.

Однако в докладе подчеркивалось, что «наиболее политически выгодным для Германии, а, следовательно, и наиболее вероятным является первый вариант ее действий, т. е. **с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан».**

При этом учитывались удары со стороны Финляндии на Ленинград и наступление из районов Северной Румынии на Жмеринку.

При разработке документов **Наркомат обороны и Генеральный штаб в отличие от германского командования руководствовались тем, что будущая война примет продолжительный характер.** Это потребует наличия технически хорошо вооруженных массовых армий и огромного напряжения всех материальных и духовных сил народа. **При этом признавалось, что война может начаться внезапно.** На это указывали как практика осуществления Германией своей военной доктрины, так и состояние армий государств фашистского блока» (указанное сочинение, с. 54).

* * *

Обратите внимание на утверждение в «Соображениях» Шапошникова осени 40-го, что **«нападение фашистской Германии на СССР возможно еще до окончания войны с Англией».** Существует версия маршала Жукова, что Сталин якобы не ждал нападения Гитлера, пока тот не победит Англию или не заключит с ней мир. Т. е. якобы Сталин верил, что воевать одновременно и с Англией и с СССР Гитлер не станет.

Однако в «Соображениях», которые Сталин и утвердил, такой вариант вполне допускался:

«Сложившаяся военная обстановка в Западной Европе позволяет немцам перебросить большую часть сил против наших зап. границ.

При не оконченной еще войне с Англией предположительно можно считать, что в оккупированных странах и областях Германией будут оставлены до 50 дивизий и в глубине страны до 20 дивизий.

Таким образом, **из указанных выше 243 дивизий до 173 дивизий, – из них до 140 пехотных, 15–17 танковых, 8 моторизованных, 5 легких и 3 авиадесантных и до 1200 самолетов – будет направлено против наших границ...»** (ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп.2951. Д.239. Лл. 197–244. Рукопись на бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Исполнитель: зам[еститель] нач[альника] Опер[ативного] упр[авления] генерал-майор Василевский. Подлинник. Автограф)

* * *

Это уже соображения Мерецкова от 18 сентября 1940 года, и уже в них прописано, что именно **не окончив воевать с Англией, Гитлер свои основные силы, 173 дивизии из 243, вполне перекинет к границам с СССР для нападения,** оставив по всей Европе около 70 дивизий. Но может, так предполагали наши прозорливые военные в своих планах, а Сталин действительно «веровал», что Гитлер не нападет, пока не закончит войну с Англией? Вранье. При неоконченной войне с одним противником не бросают свои основные силы на другого. Если война с предыдущим идет по-настоящему. А вот если война становится «странной», и тем более если у воюющих сторон появляются некие тайные соглашения о прекращении активных боевых действий, то вполне можно, не закончив воевать с Англией, перекинуть свои основные силы для нападения на СССР. **Потратив на подготовку такого нападения почти год!**

Так что рассказы маршалов наших о том, что Сталин верил, что Гитлер не нападет, не покончив с Англией – пусть останутся на их совести. Ведь тот же Молотов ну очень плевался на такие байки маршалов...

* * *

Как видите, сутью «Соображений», «главным вопросом в оценке оперативно-стратегических замыслов противника» является, прежде всего, определение направления его основных ударов и наши ответные меры – размещение своих главных сил на эти возможные удары. При этом главный удар противника может быть (предполагается как вероятный) только в одном месте, и соответственно наши главные силы по Шапошникову должны быть в этом, одном месте. Или севернее Полесья или южнее.

Августовские «Соображения» Шапошникова, в связи с заменой его наркомом обороны Тимошенко на Мерецкова, также устарели, не успев получить утверждение у Сталина, и в сентябре 1940 года новый начальник Генштаба Мерецков разработал новые «Соображения», которые, по сути, особо не отличались от «Соображений» Шапошникова. Хотя как уточняет и утверждает «генштабист», Мерецков реально «ничего не разработал, просто момент их утверждения совпал с его приходом. Времени на изменение у него не было, и менять сам он еще был не готов. На «врастание» в генеральскую, тем более генштабистскую должность менее месяца – фантастика! Уходил Шапошников формально не по принципиальным соображениям, а по состоянию здоровья, и правильность его документов не оспаривалась никем!» Т. е. «Соображения» от сентября это не более чем доведение до ума все тех же «Соображений» Шапошникова от августа, которые исполняли все те же «василевские», замы начальника Генштаба.

Но если Шапошников главный удар немцев по Украине даже не считал серьезно вероятным и тем более главным, то Мерецков уже сделал этот удар немцев одним из главных. По крайней мере, одинаково вероятным с ударом из Пруссии – по Прибалтике и Белоруссии.

А вот далее совсем интересно...

«Следует подчеркнуть, что несмотря на в общем-то правильную оценку возможного характера войны и действий противника, в Генеральном штабе накануне войны не было выработано цельной и последовательной концепции на начальный период войны в том виде, который вытекал из опыта военных действий на Западе.

Более того, высказываемые мнения дезориентировали военные кадры в отношении возможных действий войск в начале войны. В «Соображениях» указывалось, что противнику для стратегического развертывания главных сил при нападении на СССР потребуется до 15 сут. (ЦАМО, ф. 16А, оп. 2951, д. 239, л. 238)».

(Примечание. Как пишет «генштабист», цельной и единой концепции действительно не было в нашем Генштабе «и именно потому, что подготовиться к такому началу войны наша РККА не могла, не успевала, не соответствовала качественно, количественно, материально-технически. Можно было тысячу раз осознать, что война теперь может начаться внезапно, но перестроить и переместить и перевооружить, оснастить и обеспечить, чтобы реагировать адекватно, было просто в эти сроки невозможно. И кто об этом согласился бы доложить прямо и откровенно наркому и начГШ? А доложить Сталину? Можно тысячу раз понять, что будет так, но планировать все равно придется, исходя из реальных, а не виртуальных факторов и возможностей, понимая, что начало войны в случае нападения Германии, уже ведущей войну, мы проиграем однозначно! Именно поэтому в оценку обстановки и входит: оценка противника, оценка местности, оценка своих войск, оценка ВПО...! И итог оценки был – проиграем по срокам создания группировок. Ведь лимит (раз-

рив) в «выравнивании» сил и средств и создании «целевых» группировок, способных влиять на ситуацию» – 2 недели!

И тут ты хоть вывернись наизнанку, но нам надо или сразу ставить «на дыбы» страну мобилизацией, оставляя пустыми заводы и колхозы, изымая мужское население и ставя его на иждивение при неопределенности с началом войны. Но тогда мобилизацию надо вводить в СССР чуть не с апреля. Либо две недели с началом войны «бдить» в приграничных сражениях, как в повести А. Гайдара – «не видна ли там еще Красная Армия», обороняясь «отцами, дедами и прочими мальчишами-кибальчишами» из приграничных военных округов – **15 дней и ночей! Что и попало в План!**

И надо было не ошибиться в количестве «кибальчишей» в приграничных округах, чтобы они продержались... И им и пригнали срочно туда все, что Родина смогла дать в мирное время без паралича экономики – 800 000 приписных с мая, и поставили «на уши» экономику уже весной 41-го, практически переведя ее в мобилизационный режим. Приковав рабочих к станкам и по субботам, и на 2 часа больше и т. д. и т. п.! Но не хватило «кибальчишей»... и не уложились в 15 дней, и Красную Армию потом били последовательно по частям!»...)

* * *

Исходя из опыта действий немцев при нападении на ту же Польшу и другие страны, когда они били по жертве сразу всеми силами и массированно, **в Генштабе при Тимошенко-Мерецкове и Жукове пытались насаждать идею, что немцы сначала ударят частью своих сил**, ввяжутся в приграничные бои, которые будут вести с немцами наши приграничные дивизии. **И только спустя пару недель немцы введут в бой свои основные войска**, «предоставив», таким образом, СССР и РККА время на доведение до ума, на доотмобиливание и подготовку к войне наших главных сил.

Т.е. НКО и ГШ пытались свои фантазии и «надежды» выдать за реальность: мол, немцы дадут им возможность и время на отмобилизование и развертывание, когда нападут. Не так, как они делали до этого в Европе, а лишь частью сил и ввязавшись в приграничные сражения – «Примерный срок развертывания германских армий на наших западных границах – **10–15-й день от начала сосредоточения**». Т. е. немцы начнут открыто развертывание (или мы вскроем это нашей разведкой), и пока они пару недель валандаются на нашей границе, ударив при этом по СССР только частью сил, у нас будет время принять меры. А наши приграничные дивизии удержат эти немецкие «армии вторжения».

А если немцы выведут к границам свои войска и развернут их скрытно – ведь Германии не надо свои войска отмобилизовывать – она уже воюет? А если ударят всеми силами и сразу?

* * *

Но кто насаждал подобную дурость и, в общем, занимался вредительством, изначально подставляя нашу армию и страну под будущий погром в наших «планах войны»? Конечно, как показывает «генштабист», этот «погром был predetermined не одним планированием, но и последующим ведением первых операций!» Но – началось-то все именно с «планирования».

Ведь изначально закладывать в свои планы войны ошибки, наивно надеясь, что враг поведет себя так, как хочется вам, – это не глупость. Это вредительство и измена! Ведь вопрос тогда стоял именно о **неизбежном** нападении Германии на СССР, а не о «гипотетическом».

Конечно, прав полковник ГШ РФ в том, что угадать поведение или характер действий противника – талант генштабистов! И помочь в этом может только внятная оценка местности, целей и задач войны. Но делал ли ее наш Генштаб?

Разве наши военные не видели, как нападает Германия в те месяцы на соседей? Видели. И именно эти действия Германии вроде как изучались в нашем НКО и ГШ в те предвоенные месяцы. Хотя как верно заметил «генштабист»: «Вроде? Как? В каком документе описаны? Отражение в директивах необходимости и сроков изучения?»

Доклады и зачеты приняты? Или – знали и хрен с ним?» Т. е. такое впечатление от того, как «изучали» наши стратеги в ГШ «опыт» идущей в Европе войны, что их это не волновало. И как отписал нарком Тимошенко – ничего нового он в опыте идущей войны для себя не увидел...

При этом почитайте доклады Тимошенко и Жукова на совещаниях декабря 1940 года – они в них демонстрируют свою осведомленность о том, как будет совершаться нападение на СССР, если Гитлер начнет войну: именно массированным нападением с вводом всех своих сил и сразу. (Доклад генерала армии Г. К. Жукова мы уже разбирали в книге «Почему не расстреляли Жукова?», доклад Тимошенко желающие сами могут легко найти в интернете, и он также подробно разбирался в книге «Мировой заговор против России», М. 2014 г.)

Однако при разработке наших планов на отражение агрессии уже Жуковым «делалось предположение, что **боевые действия с обеих сторон могут начаться лишь частью сил**. Как отмечал **Г. К. Жуков**, «Нарком обороны и Генштаб считали, что **война... должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений**».²

Таким образом, **в оперативном плане была заложена стратегическая ошибка в оценке сил и способов ведения боевых действий противником** в начальном периоде войны. И это случилось, **несмотря на выводы советских военных теоретиков, что главной отличительной особенностью военных действий на Западе явилось их внезапное начало полностью развернутыми еще до начала вторжения силами** (указанное сочинение, с. 54–55)».

* * *

(Примечание. Как указывает «генштабист»: «на то они и теоретики в итоге, что создавали теории, а вот правильность этих теорий могла доказать только практика. И что она показала в итоге? Какие были основания эти теории воспринимать как истину, ведь они рождались после событий, опровергались или подтверждались другими событиями. Так кто в итоге был прав: Снесарев, Шапошников, Свечин, Тухачевский, Красильников и пр.? Даже сейчас сложно ответить, кто из них был единственной и непоколебимой истиной...»)

* * *

Было ли это ошибкой или сознательным вредительством – увы, никто сказать уже не сможет. Под «протокол». Но мы вполне можем утверждать, что идиотами наши стратеги точно не были. А поэтому, увы, это было все же не ошибкой, а именно вредительством, с целью уничтожить СССР. Можно ли это доказать? Без следственных дел и признаний маршалов такое доказать, конечно же, невозможно.

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, 3-е изд. М., 1978. Т. 1, с. 217.

Полковник ГШ ставит и такой вопрос: а может вредительства и не было, и то, что произошло, было «объективными обстоятельствами, обусловленными особенностями оборудования будущего ТВД, физико-географическими и климатическими факторами»? Может, это было связано с тем же «характером дорожной сети, что объективно в отведенные противником сроки не позволяло сосредоточить и расположить группировки «умно», а не как попало, исходя из возможностей расквартирования, станций погрузки и выгрузки и т. д.»?

Однозначно – все эти факторы влияют в итоге на возможную неудачу. Но если их не учитывать при планировании, или планирование идет с искаженными факторами, то жди беды. А вот следующие вопросы вполне точные: «Почему объективно немцы, планируя войну, не могли ее правильно спланировать и организовать подготовку так, чтобы мы не могли отреагировать? Почему ОКВ и ОКХ должны быть глупее нашего Генштаба, почему противник должен всегда быть «глухим, слепым, да к тому же еще и дураком», что это за «основа для принятия решений»? Немецкие военные были опытнее, образованнее, да просто умнее, чем наши герои гражданской войны со своим народом, с искоренением военных традиций и военной касты, с преданием забвению истории и опыта русской армии».

Увы, все это также было у наших будущих маршалов Победы в предвоенные месяцы в Генштабе.

* * *

Работая над книгой, дал ее почитать «простому военному пенсионеру» А. Севагину, который (как и положено простому военному, «немного» разбирающемуся в таких вопросах) очень удивился: «Только вот вопрос, можно ли назвать это стратегической ошибкой? Если, с одной стороны, считали, что можно нанести превентивный удар по отмотобилизованным войскам Германии, а с другой стороны, что не учитывали возможность такого удара немцев? По расчетам немецкого штаба мобилизационный ресурс СССР составлял как минимум 11 миллионов человек. У немцев такого ресурса не было. Какие к черту приграничные сражения! У немцев был единственный вариант, ударить сразу и со страшной силой. Самое главное было для них – сделать все, чтобы сорвать отмотобилизование РККА. Т. е. мощными «каннами» прорвать оборону, стремительно прорваться в глубь территории СССР, окружить и уничтожить как можно больше наших войск. Неужели в нашем ГШ этого не понимали? В это трудно поверить. В любой армии есть военные теоретики, есть преподаватели военных академий. Каждый военный конфликт в мире сразу разбирается и анализируется. Разборы и анализ действий войск в первую очередь поступают в Генеральный штаб армии. Шла мировая война, немцы взяли всю Европу. Как можно не учитывать выводы военных теоретиков? Неужели маршал и генерал армии ошиблись в таком вопросе?»

* * *

Исследователь М. Нейман по поводу слов Жукова: «Одно дело, что сказал Георгий Константинович [в свое оправдание] в своих мемуарах это одно, а планирование – совсем другое. И при планировании совершенно точно было определено, что немцы будут готовы на 15-й день, только не войны, а от «дня М». И своё планирование вели от «дня М»...».

Полковник ГШ РФ поправляет подполковника «из войск» Неймана: «Берем Директиву 21 («Вариант Барбаросса») и документы по его реализации! Какие 15 дней, смотрим графики! 4 месяца 9 волнами, танковые части (10 дивизий) в последние две недели двумя волнами, авиация в последние 4 дня, а до этого только штабы и саперы! Так что реальность становилась **очевидной** только за 2 недели до старта! Нет, не дураки в Вермахте планиро-

ванием занимались. Вот откуда и 18 июня – мы обнаружили прибытие танковых дивизий, и **все стало однозначным!**»

* * *

(Примечание. Говоря о «18 июня», надо сказать, что после облета границы 18 июня комдивом 43-й САД Н. Г. Захаровым в полосе ЗапОВО, донесения об этом полете в Москву отправляли пограничники. И судя по всему, эти данные облета легли на стол Сталину в этот же день. Через Берию. В отчете показано было, что немцы двинулись к границе, к штабам своих дивизий, наконец, и технику – танки, авиацию, и живую силу. Это было зафиксировано, и после этого 18 июня и пошли в округа те самые «директивы ГШ от 18 июня» на приведение в боевую готовность приграничных дивизий с выводом последних на их рубежи обороны из казарм. 20 июня в Москве Разведуправление получило от НКГБ СССР разведсводку «о военных приготовлениях Германии против Советского Союза». После чего РУ подготовило доклад для Жукова Тимошенко. Но об этом подробнее в следующих главах...)

* * *

Планирование велось от начала мобилизации, которую можно проводить как открыто и официально, так и скрытно и поэтапно. И до начала войны. Немцам отмобилизование при этом особо не нужно было проводить – достаточно было только перебрасывать вермахт к границам СССР. А мы могли и проводили именно скрытое отмобилизование «распорядительным порядком», призвав на сборы те самые 800 тысяч приписников (проверять численность и укомплектованность войск не в целом, а именно в приграничных округах, то, что доукомплектование они проводили, и доукомплектовывались только тылы, в данном исследовании мы не будем – лучше, чем об этом показывал маршал М. В. Захаров и прочие Баграмяны, мы показать не сможем).

Также и о «мобресурсе» Германии: «Известно, что через призыв в Германии прошли более 20 млн чел. Учитывая, что перед началом войны в Германской армии уже служило более 7 млн чел., то осталось 13. Это не моб. ресурс? А учитывая французов, эстонцев и прочих? У немцев была хорошо отлаженная система пополнения армии в военное время» (М. Нейман).

Тут стоит дать некоторые поправки – Мобилизационные возможности Германии были в любом случае более низкими, чем у СССР, и это не только людские ресурсы. Не зря уже осенью 41-го немецкие экономисты поставили Германии «диагноз» – экономически Германия войну проиграла. Не от хорошей жизни они привлекали наших пленных на тыловых работах в вермахте, чего СССР не делал. И в войне победила экономика, которую мобилизовал Сталин в СССР, но надорвал Гитлер в Германии. В конце концов, в Германии даже монеты стали делать из цинка уже с 1939 года (как и в Первую Мировую), а в СССР – монеты оставались никелевыми и латунными и во время войны....

* * *

Т.е., несмотря на то, что отмечал в своих «Соображениях» Шапошников уже жуковы в виду своей военной безграмотности несли чушь о возможном начале войны со стороны немцев?! И эту чушь они протаскивали в различные дополнения к общим «Соображениям» весной 1941 года?! Т. е. «это было все же не преступлением, это было хуже – ошибкой?»

* * *

Тут стоит подробнее рассказать, как себе представляли начало войны в РККА. О каких таких **«мнениях»**, которые **«дезориентировали военные кадры в отношении возможных действий войск в начале войны»**, говорится в этом исследовании, и почему **«В «Соображениях» указывалось, что противнику для стратегического развертывания главных сил при нападении на СССР потребуется до 15 сут.»**

Вот что выдавал один из начальников штабов приграничного округа – будущий «невинная жертва сталинских репрессий»:

«Исследуя все материалы, которые мы имеем непосредственно по операциям Германии и Польши, мы видим одно разительное начало во всех этих действиях. В 16 дней Германия расправилась с Польшей, с ее вооруженными силами, нарушила стратегическое развертывание Польши. Из этого напрашивается один вывод об особых наступательных операциях. Тов. Жуков брал пример операции безотносительно от периода войны. Она могла быть (как нарисовано здесь) одной из последовательных операций. Так вот, я беру пример, когда эта операция начинается в начальный период войны, и невольно возникает вопрос о том, **как противник будет воздействовать в этот период на мероприятия, связанные со стратегическим развертыванием, т. е. на отмотобилизование, подачу по железным дорогам моб-ресурсов, сосредоточение и развертывание. Этот начальный период войны явится наиболее ответственным с точки зрения влияния противника на то, чтобы не дать возможность планомерно его провести.**

Я этот вопрос, товарищи, поднимаю потому, что порой сталкиваешься с некоторыми выводами, по-видимому, очень поспешными. Я просмотрел недавно книгу Иссерсона «Новые формы борьбы»³. Там даются поспешные выводы, базируясь на войне немцев с Польшей, что **начального периода войны не будет, что война на сегодня разрешается просто – вторжением готовых сил**, как это было проделано немцами в Польше, развернувшими полтора миллиона людей.

Я считаю подобный вывод преждевременным. Он может быть допущен для такого государства, как Польша, которая, зазнавшись, потеряла всякую бдительность и у которой не было никакой разведки того, что делалось у немцев в период многомесячного сосредоточения войск. Каждое уважающее себя государство, конечно, постарается этот начальный период использовать в своих собственных интересах для того, чтобы разведать, что делает противник, как он группируется, каковы его намерения, и помешать ему в этом.

Вопрос о начальном периоде войны должен быть поставлен для организации **особого рода наступательных операций. Это будут операции начального периода, когда армии противника не закончили еще сосредоточение и не готовы для развертывания. Это операции вторжения для решения целого ряда особых задач.** И на сегодня эти задачи остаются и должны быть разрешены. Это воздействие крупными

³ Г. С. Иссерсон, Новые формы борьбы. М. Воениздат, 1940 г.

авиационными и, может быть, механизированными силами, пока противник не подготовился к решительным действиям, на его оттопление, сосредоточение и развертывание для того, чтобы сорвать их, отвести сосредоточение вглубь территории, оттянуть время. Этот вид операции будет, конечно, носить особый характер.» (РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 53–58. Выступление начальника штаба ПриОВО генерал-лейтенанта П. С. Кленова на совещании в декабре 1940 года. Есть в интернете.)

* * *

Как видите, агитация за нанесение превентивного удара по немцам, пока они **«не закончили еще сосредоточение и не готовы для развертывания»**, шла усердно. Посредством «операций вторжения». И Кленов именно это и пытается предлагать – именно превентивные удары. Мол, **в случае войны нам надо, авиацией и мехкорпусами, нанести противнику «воздействие», пока тот «не подготовился к решительным действиям», с целью сорвать «его оттопление, сосредоточение и развертывание» у наших границ «для того, чтобы сорвать их, отвести сосредоточение вглубь территории, оттянуть время».**

Впрочем, как верно заметил «генштабист»: «Все это могло идти и от безысходности. Военные думали, искали формы и способы, асимметричные меры, как сейчас говорят, но ничего кроме нападения первыми в голову не приходило! А Сталин исходил из реальности. Немецкие танковые дивизии не переброшены, а могут быть переброшены, исходя из дорожной сети, куда угодно за 2–3 суток и... Вот попретесь вы в «упреждающий» поход, а на рубеже вас встретят. Вас, израсходовавших боеприпасы и топливо, как показал опыт входа в Польшу (с которой РККА не воевала. – К. О.) – с растянутыми тылами, практически без снабжения (и связи), встретят свеженькие, только из вагонов 10 танковых дивизий немцев! И побросаете вы тысячи своих танков в полях и пешком по лесам и болотам вернетесь как в 1920-м обратно. И это и произошло в 1941-м!»

* * *

Но при этом будущая жертва «сталинских репрессий» Кленов всячески отрицал, что Германия может нанести по СССР удар всеми силами сразу.

Возможно, он, как начальник штаба округа, не видел в это время группировок наступательных, не знал еще ни их состав, ни тем более задачи, и думать боялся о таком раскладе, тем более вслух сказать, а то ведь некоторых ведь расстреляли только в 1942-м, а арестовали до войны? Может, и так.

Но по Польше, у которой, оказывается, разведка, проспала подготовку вермахта к удару всеми силами и сразу, Германия смогла ударить, а вот по СССР – не сможет почему-то. Мол, то, как Гитлер напал на Польшу – применимо только к маленьким государствам, а вот на СССР Гитлер нападать будет не всеми силами и сразу, а типа по опыту Первой Мировой. И вот тут мы и сможем врезать по нему немедленным встречным, а лучше превентивным, ударом – пока он не закончил сосредоточение своих главных сил. Своими армиями вторжения. Ведь у нас разведка есть (а у Польши, типа, ее не было!?), которая вскроет приготовления немцев, и пока те лезут своими армиями вторжения, мы им своими авианалетами врежем по их главным силам и мехкорпусами покажем. Мол, мы сможем «этот начальный период использовать в своих собственных интересах для того, чтобы разведать, что делает

противник, как он группируется, каковы его намерения, и помешать ему в этом». Ведь враг на СССР не полезет однозначно всеми силами и сразу! Не сможет...

Ну, прям как «великий стратег» Тухачевский, что считал наступление немцев через Белоруссию на Москву в случае нападения Германии на СССР «фантастикой».

* * *

Кленов обсуждает действия Германии **на сентябрь 39-го** и заявляет, что на СССР так Гитлер не нападет!

«Генштабист» отмечает: Кленов «делает необоснованные выводы. Но что это доказывает? Ничего! Кленов – начальник штаба, и этот доклад ему утверждал командующий перед тем, как позволить подчиненному выступать с трибуны. Так что ему прислали из ГРУ перед этим? Или это чистая отсебятина? Где тот НШ округа, который позволит себе нести отсебятину, да после 37-го? И насколько в декабре 40-го это была чушь? И кто ему уже доложил, что «имеет» и «осталось только перебросить», его разведка? А что разведка округа в этот момент докладывала, а ГРУ, на – декабрь 1940-го?»

Все это верно, но как может НШ округа давать выводы о том, что и как сделает противник против СССР, который уже показал, как он действует в соседней стране? То, что Германия **на осень 40-го** уже всю Европу воюет, и на момент доклада имеет необходимое количество дивизий, которые остается только перевезти из Европы к границам СССР, у которого свои дивизии в большинстве своем в «мирном» составе держатся – Кленову похоже не важно.

Также в своем докладе Кленов заискивает перед Жуковым: «Я согласен с теми выводами об основах наступательной операции сегодняшнего дня, которые были предложены генералом армии т. Жуковым. Разрабатывая тему современной наступательной операции, я точно так же подходил к расчетам и методам, которые были изложены в докладе генерала армии т. Жукова».

Т.е. именно о таких «мнениях» и говорится в исследовании «1941 год – уроки и выводы». Именно это и проповедовали будущие «невинные жертвы сталинских репрессий» кленовы на совещаниях перед войной – немцы не станут наносить по СССР массированного удара всеми силами, как они это делали по всей Европе. Потому что мы им сами врежем «превентивно», и начнут они (и мы) войну, видимо с вторжений небольших «армий вторжения» (прошу извинить за «масло масляное»)..

При этом находились достаточно грамотные и здравомыслящие командиры, которые пытались противостоять дурости кленовых, явно вторивших вслед за Жуковым, который, похоже, и был главным инициатором игнорирования опыта войны в Европе, когда Германия наносила массированный удар.

* * *

(Примечание. Впрочем, тут вопрос в том, что понимать под «массированным ударом всеми силами». На самом деле, если быть точными, «немцы и не нанесли удара всеми силами. Во вторжении принимало участие не более 60 % от всей армии, и были вполне сопоставимы с нашей армией, дислоцирующейся в западных округах» – М. Нейман. Но хотя немцы не могли именно утром 22 июня ввести в бой все свои силы, собранные на границы чисто технически, в принципе вторжение 22 июня было именно массированным...)

* * *

Вот что писали и говорили другие командиры:

«После Первой мировой империалистической войны военные специалисты всех стран выдвинули теорию «армии вторжения». По их мнению, «армия вторжения» и должна в начальный период захватить важные объекты и рубежи, разгромить части прикрытия и тем самым усилить действия ВВС.

Состав «армии вторжения», по их мнению, должен зависеть от стоящих перед ней задач. «Армия вторжения» должна, опираясь на линию пограничных укреплений, внезапно нанести глубокий удар и создать благоприятные условия для действий главных сил.

Опыт последних войн в Польше и Западной Европе опрокидывает эту теорию. При наступлении на Польшу германское командование не выбрасывает «армию вторжения», а наносит удар всеми силами. Сосредоточив скрытно в течение длительного времени свои армии к польским границам, германское командование внезапно обрушивается с воздуха и на земле всеми армиями одновременно на неотмобилизованную и неподготовленную польскую армию. Таким образом, в данном случае не «армия вторжения», а вся масса вооруженных сил обрушивается на территорию противника. Авиация подавляет ВВС Польши на ее аэродромах, нарушает деятельность железных дорог, срывает мобилизацию и сосредоточение польских армий.

После того как первое сопротивление польских войск было сломлено, германское командование выбрасывает вперед сильные группы мото-механизированных войск, которые окончательно парализуют всю польскую армию, разбивают ее на отдельные группы и этим создают для главных сил благоприятную обстановку». (Полковник А. И. Старунин, статья «Оперативная внезапность», журнал «ВОЕННАЯ МЫСЛЬ», 1941, № 3, с. 27–35. Сайт <http://zhistory.org.ua/vnezapn.htm>)

* * *

К Старунину также есть вопросы. Полковник ГШ РФ: «Немцы напали на польскую армию точно на неотмобилизованную? А не поляки ли первыми мобилизацию начали и провели? А если реально, это то, что было известно на март 1941-го или то, что происходило в Польше на самом деле? А что там пишет Гудериан, а Гот про польскую кампанию, там точно все так весело-то происходило? Да нет, это полковник Старунин так это видел. А кстати, а по должности-то он кто? А что ему знать-то положено и доступно в этой должности? Это он в секретном сборнике «Военной мысли» публикует или в открытом? В открытом рассказывает о сведениях, добытых из газет или агентурой? Так ведь агентура-то так и вскрывается, и кто б ему это дал сделать? Так кто и где? Под каким углом на это смотреть то? У Жукова, как НГШ и Старунина, как ... точно одна и та же информация?»

Как бы то ни было – отчего-то Старунин более «осведомленным» и уж точно более грамотным кажется, чем тот же Кленов...

* * *

(Примечание. «Подготовка немцев к вторжению в Польшу продолжалась более полу-года. И дипломатическая подготовка и, по-видимому, военная. Однако немцы объявили мобилизацию только 26 августа и до 1 сентября сумели наскрести чуть более 60 дивизий. Поляки же сильно понадеялись на англичан с французами. Тем более что именно англичане настояли на том, чтобы поляки отменили ранее начатую мобилизацию». – М. Нейман...)

* * *

Как видите, именно в Первую Мировую и воевали так – начинают боевые действия некие «армии вторжения», а главные силы стран в это время доводятся до ума. И этот «опыт» наши стратеги и пытались навязать и забить в наши «планы войны». К концу 1940 года, в нашем ГШ все прекрасно знали и видели, что современная Германия ведет (начинает) войны в Европе уже по-другому – всеми силами и сразу, но продолжали этот «опыт Первой Мировой» использовать при планировании будущей войны. Немцы, оказывается, на СССР не смогут, почему-то напасть так, как нападали на другие страны Европы.

* * *

Полковник Старунин и о «внезапности» нападения рассказывает:

«Вторжение германских войск в Голландию, Бельгию и Люксембург было проведено также крупными массами войск. В первом эшелоне было сосредоточено не менее 50–60 дивизий. Основной удар наносился южнее Льежа. В ударную группу входило большинство танковых и моторизованных дивизий, которые, сломив сопротивление бельгийской армии, быстро продвигались в направлении Седан, Гиз, а затем последовательно заняли Лаон, Сан-Кантен, Камбре, Аррас. Скрытность сосредоточения и быстрота действий, два основных элемента внезапности, в обоих случаях сыграли решающую роль и обеспечили успех германским армиям!

Как долго можно сохранять в тайне от противника подготовку внезапного удара в начальный период войны? Рассматривая опыт прошлых войн, мы можем найти целый ряд примеров, показывающих, что время и пространство рано или поздно демаскируют все оперативные передвижения. **Чтобы внезапность действий в оперативном масштабе дала положительные результаты, необходимо еще иметь и превосходство в силах и средствах на направлении главного удара.** Шлиффен, разрабатывая свой план наступления на Западе, предвидел, что **внезапность наступления через Бельгию будет продолжаться только до определенного момента.** Шлиффен учитывал, что для того, чтобы преодолеть территорию Северной Бельгии, овладеть ее крепостями и совершить охват левого фланга французов, **потребуется несколько недель.** Естественно, что при таких условиях не могло быть и речи о **внезапности в полном смысле этого слова.** Поэтому Шлиффен стремится к тому, чтобы в оперативном плане было обеспечено превосходство сил

и средств на правом фланге и после того, как внезапность будет обнаружена; превосходство сил должно быть решительным.

Сосредоточение германских сил на Западе против союзников в 1940 г. не было неожиданностью; внезапным оказалось решение в связи с создавшейся обстановкой нанести удар по Голландии и Бельгии.

Наличие громадного превосходства сил и особенно технических средств в сочетании с внезапностью позволило германскому командованию быстро занять территорию Голландии и Бельгии и выйти на их западные границы в тот момент, когда войска союзников не были готовы к отражению, а план, намеченный Вейганом, не мог быть выполнен по времени. Таким образом, внезапность в стратегической подготовке, особенно в начальный период войны, должна достигаться не только скрытностью сосредоточения, но и первоначальным распределением войск, чтобы противник до последнего момента не знал нашего намерения.

Для достижения решающего успеха в начальный период войны необходимо четкое распределение сил при сосредоточении, так как ошибка, допущенная в первоначальном развертывании, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании. [3. Прим. ред. журнала «Военная мысль» – При существующем развитии путей сообщения и транспорта возможны любые перегруппировки в ходе кампании, лишь бы эти перегруппировки надежно были прикрыты авиацией. Союзники в 1940 г. не могли собрать достаточных сил не потому, что им помешали – этих сил просто не было, так как Германия имела подавляющее общее превосходство в силах и средствах].»

* * *

Насчет французов редакция журнала, возможно, и дала «грамотное» примечание, однако вермахт как раз не имел перед РККА «подавляющее общее превосходство в силах и средствах» в июне 41-го. Скорее наоборот. Силы вторжения Германии по количеству тех же танков или самолетов были меньше, чем у СССР в приграничных округах. И хотя по личному составу у немцев и их союзников было преимущество, но и оно было не подавляющее. Немцы это знали и понимали, что **только массированный удар сразу всеми силами вторжения и мог бы помочь им нанести поражение РККА в приграничных округах в самом начале войны**, иначе их «блицкриг» обречен на провал. И немцы почему-то смогли создать на участках прорыва многократное преимущество в живой силе и технике.

И далее Старунин в феврале-марте 41-го показал, что такое внезапность при нападении как таковая:

«Внезапность, – пишет Клаузевиц, – проявляется в том, что в одном из пунктов противопоставляют неприятелю значительно больше сил, нежели он ожидает». [4. Прим. ред. журнала «Военная мысль» – Клаузевиц. О войне, т. 2. Воениздат, 1937 г., стр. 10].

Т.е «внезапность» не в факте нападении как таковом, ибо скрыть подготовку нападения в таких масштабах в принципе невозможно. А в том, что противник введен в заблуждение о силе и направлениях ударов соседа. Также внезапность нападения определяется тем, что нападение начинается без объявления войны.

Наши мемуаристы потом уверяли, что для них было неожиданностью то, сколько сил немцы выставили против Белоруссии – где у них и был главный удар, но это вранье.

И о направлениях, и силе этого удара все кому положено знали заранее (в следующих главах об этом еще будем говорить, а по данным разведки и покажем подробнее).

* * *

А затем полковник показал то, что должен был понимать и начальник Генерального штаба РККА. И ведь он и понимал и знал, что так и будет:

«В способы использования танковых войск внесено немцами много нового: массовость, значительный отрыв (150–200 км) от остальных сил наступающих армий, действия по глубоким тылам, совместные действия танков и авиации как на фронте, так и в тылу противника, особенно с пикирующими бомбардировщиками, против артиллерии и танков. Пикирующие бомбардировщики в войне на Западе проявили себя как новый вид авиации, способный действовать более точно не только по неподвижным целям малых размеров, но и против танков противника.

В использовании танков, особенно при массировании их, **внезапность** является основным фактором успеха действий».

* * *

Отрыва танковых частей от остальных своих войск сами немцы на самом деле очень опасались. И как пишет «генштабист»: «сами немцы тормозили танкистов-безумцев, как могли – тылы отставали, если бы их отсекали, пришел бы конец танковым частям без тылов. Сколько раз тормозили они своих танкистов во Франции! И того не видели, не понимали, что такой отрыв крайне опасен и может быть оправдан лишь в крайне благоприятных условиях?! Везло, и командирское везение было на стороне немцев не случайно, они рисковали, но обоснованно. Но везет не всегда и не всем. И в 1941-м уже не только тормозили, но и поворачивали на 90 градусов».

* * *

Получается, даже полковники в 1941 году были умнее начштаба ПриОВО Клёнова. В принципе в этом нет ничего удивительного, если этот полковник – начальник разведки округа или в определенных аналитических структурах ГРУ, и именно потому, что он специалист, его обязанность об этом докладывать НШ округа. Но, к сожалению, точных данных на полковника Старунина нет. Похоже, он в ГШ и служил, но – чем он занимался, если в этом вопросе он умнее оказался нач. ГШ – сказать сложно.

Но были ли такие полковники «умнее» начальника Генштаба Жукова? Неужели Жуков не знал о планах вермахта весной 41-го? Конечно, знал. И в своих докладах на тех же совещаниях он это озвучивал. Однако когда в своих мемуарах начал оправдываться за трагедию лета 41-го, он стал лгать о том, что от Германии они в НКО и ГШ ожидали мифических «прелюдий»...

Опять же. Как пишет «генштабист» – Жуков об этом врал «на пустом месте или с опорой на что-то, какие-то данные, факты, информацию? Это интересно!» Но, увы. Жуков свои источники своих знаний не раскрыл...

* * *

А вот что можно прочитать в интереснейшем исследовании 1965 года по этому вопросу – кто, как и что ожидал от немцев в случае их нападения на СССР. Кстати, в этот год вышло много интересных работ как в «дээспэшных» исследованиях для военных академий, так и даже в публицистике. Например, «Буг в огне», книга, в которой собраны свидетельства командиров Бреста – по событиям трагедии Брестской крепости. Хрущева только сняли, и у некоторых военных языки развязались. И до тех пор, пока ЦК КПСС не узаконил официальную историю начала войны, согласно «Воспоминаниям и размышлениям» Г. К. Жукова, некоторые маршалы успели в своих мемуарах показать достаточно правдивую картину событий тех предвоенных дней и после 22 июня. Тот же И. Х. Баграмян, М. В. Захаров, Н. Г. Кузнецов...

Смотрим исследование «На Юго-Западном направлении (июнь-ноябрь 1941 г.)» (М. Д. Грецов, Москва 1965 г.).

В самом начале автор указывает, что **«Отсутствуют многие под линные оперативные документы (шифртелеграммы) штаба Юго-Западного фронта; поэтому пришлось пользоваться косвенными источниками – документами нижестоящих соединений или соседних инстанций⁴»**.

Однако показать какие странные представления были в нашем Генштабе на начало войны о том, как будут нападать-наступать немцы, Грецову удалось:

«Что касается тактики наступательных действий «вероятного противника», то характеристика ее по материалам того же Совещания (декабря 40-го. – К. О.) ограничивалась рассмотрением двух вариантов прорыва. Схема выполнения первого варианта прорыва представлялась в таком виде.

Вначале, после сильной артиллерийской и авиационной подготовки, пехота противника прорывает фронт обороны, а затем (на второй – третий день) вступает в действие эшелон развития прорыва (подвижные группы), состоящий из танков, пехоты, артиллерии и т. д., который и будет развивать прорыв в глубину.

Схема второго варианта прорыва рисовалась несколько иначе: подвижные соединения противником не резервируются в начальном периоде операции, а бросаются вперед и разрушают оборону противника (см. материалы Военного совещания, стр. 30–32).

Как видно будет из дальнейшего, наши предположения о характере начального периода войны основывались на вероятности наступления противника по первому варианту, когда главный удар наносит пехота противника с артиллерией, а не с танками».

* * *

Т.е. плевать на то, что немцы делали в Европе. Нашим стратегам в лице нач ГШ Мерецкова и затем и Жукова хотелось протащить идею, что Гитлер погонит вперед пехоту (так

⁴ Архивные документы штаба ЮЗФ погибли вместе с имуществом штаба в окружении в сентябре 1941 года. Архивные документы некоторых штабов армий и даже фронтов в ряде случаев оформлены небрежно и не дают возможности восстановить в достаточной степени достоверности то или иное событие.

и быть – после артподготовки, конечно же) и только через пару-тройку дней начнут вводить в бой танки – и плевать они хотели на реальность.

Что это: скудоумие и недомыслие или вредительство?!

«Схема ликвидации прорыва противника представлялась так: на флангах продвигающегося противника сосредоточиваются резервы нашей обороны, которые затем обязательно фланговыми ударами “под основание клина” громят прорвавшегося противника.

Причем не только контрудары, но и контратаки мыслились только как фланговые по отношению к противнику – «Оборона, соединенная с наступательными действиями, с последующим переходом в наступление, особенно во фланг ослабленного противника, может привести к его полному поражению» (ст. 222, ПУ–36).»

* * *

Фланговые удары как панацея и рецепт поражения противника – как раз от «великого стратега» идет, от Тухачевского...

А вот то, что предлагал маршал Шапошников: держать против главных сил противника свои главные силы, с целью измотать и остановить нападающего:

«Такой способ, когда все силы обороны сосредоточиваются против острия клина наступающего противника с задачей вначале огнем с позиций (то есть места) во что бы то ни стало задержать продвижение прорвавшегося противника, считался невыгодным и пассивным».

* * *

(Примечание. Кстати, в данном закрытом в те годы исследовании Грецов также показывает, что разведка пограничников вполне четко показывала все, что происходило у немцев перед 22 июня – с выводом их войск: «Разведывательные сводки штабов погранвойск поступали в штабы корпусов, армий и округов регулярно. По некоторым из них можно сегодня с точностью по дням проследить, как шло сосредоточение и развертывание немецких и румынских дивизий. Так, в штабе 2-го кавалерийского корпуса Одесского округа за 2–3 дня до начала войны имелись сообщения пограничной разведки о том, что противник на румыно-советской границе не только сосредоточил войска и поставил артиллерию на позиции, но и производит отселение мирных жителей из сел и деревень, вошедших в зону исходного положения войск для наступления.»

В этом нет ничего удивительно, ведь подчиненные Л. П. Берии имели четкую установку-задачу, которая сегодня просто забита в их Уставы – отслеживать территорию сопредельного государства **на 400 км!** Поэтому округа и получали от пограничников всю информацию о том, как и когда в полосе до 400 км шло накопление войск Германии и ее союзников в мае-июне 41-го. Сначала прибывали штабы немецких войск, а примерно с 18 июня – и техника с личным составом. Что также отслеживалось пограничниками и докладывалось как в Москву – Берии и Сталину соответственно, так и военным в округах.

Более подробно о том, как и что докладывали пограничники военным в округах, читайте в исследовании А. Б. Мартиросяна «Сталин и разведка накануне войны» (М., 2014 г. ...)

* * *

Но вернемся к «Соображениям» в исследовании «1941 год – уроки и выводы»: «В оперативном плане была заложена стратегическая ошибка в оценке сил и способов ведения боевых действий противником в начальном периоде войны. И это случилось, несмотря на выводы советских военных теоретиков, что главной отличительной особенностью военных действий на Западе явилось их внезапное начало полностью **развернутыми еще до начала вторжения силами**. **Растянутасть этого процесса по времени делала его незаметным для противника**». (с.55)

* * *

Наши деятели в НКО и ГШ времен Тимошенко-Жукова как бы не увидели (и видимо, и «не подозревали» даже), что вермахт по СССР ударит именно **«развернутыми еще до начала вторжения силами»**. Т. е. именно всеми силами и сразу. И все это они забили в наши оперативные планы. Было ли это ошибкой от глупости и неграмотности военных? Нет.

В другом солидном исследовании Института Военной истории (ИВИ) еще в 2000 году показывается, как опыт Первой мировой войны давил на мозги наших стратегов (чтоб читатель не подумал что это я такой один умный – понял, какие дурости бродили в головах наших стратегов в НКО и ГШ к началу 1941 года)::

«В первой половине 20-х годов в основе концепции начального периода войны лежали взгляды, сложившиеся **на основе опыта первой мировой войны**. В соответствии с ними считалось, что период этот будет охватывать **промежуток времени от объявления войны** до завершения развертывания и начала решающих операций главных сил воюющих сторон. При этом **предполагалось, что с момента объявления войны противники проведут мобилизацию**, а под прикрытием ограниченных боевых действий одновременно или с некоторым разрывом по времени сосредоточат и развернут на театрах военных действий необходимые стратегические группировки своих вооруженных сил. Ожидалось, что этот период продлится **не менее 10–15 суток**».

* * *

Помните у Жукова его **10–15 суток** до начала активных военных действий главными силами, которые якобы будут у СССР в случае начала войны? А ведь Жуков в начале 20-х дай бог батальоном командовал еще...

Т.е. сначала война будет объявлена, начнутся приграничные сражения армиями вторжения (да еще и не вводом сразу танков, и массированно авиацией по нам врежут, а пехоту погонят немцы). И пока армии вторжения немцев и наши приграничные дивизии молотят на границе друг друга, Главные силы РККА в СССР подготовятся окончательно. Т. е. война начнется не главными силами армий воюющих стран, а армиями вторжения, хотя и вполне приличными по мощи. И пока те воюют, главные силы еще готовятся к главным сражениям, чтобы «фланговыми ударами» лихо разгромить противника!

«Однако вскоре выяснилось, что в связи с бурным развитием авиации и танковых войск война, скорее всего, начнется с **внезапного** нападения агрессора, т. е. без официального ее объявления, а ее начальный период в отличие от первой мировой войны будет характеризоваться ожесточенной борьбой на земле, в воздухе и на море за захват и удержание стратегической инициативы. Причем **еще в мирное время агрессор** будет стремиться скрытно и в короткие сроки провести частичную мобилизацию, попытается сосредоточить в приграничных районах **значительное количество войск (армии вторжения)**, ядром которых явятся **танковые и моторизованные соединения**. При поддержке авиации они **до общей мобилизации** приступят к проведению приграничных **наступательных операций с целью разгромить приграничные войска**, сорвать мобилизацию главных сил, их сосредоточение и стратегическое развертывание.» (История военной стратегии России. М., 2000 г., с. 220–221)

* * *

Данное исследование было сделано под редакцией директора ИВИ генерал-майора В. А. Золотарева. Ответственным руководителем исследования был генерал А. А. Данилевич, в те годы замначальника Генштаба РФ. Главу «Военная стратегия между Гражданской и Великой Отечественной войной» подготовил В. О. Дайнес, гражданский сотрудник ИВИ, кандидат исторических наук, доцент. Данное исследование придется процитировать достаточно подробно, т. к. в нем замечательно показано, какие идеи были в головах командиров в 1930-е годы и как эти идеи сохранились и к 22 июня 41-го.

* * *

*(Примечание. Прежде чем начинать читать работу современных историков ИВИ, стоит помнить, что как верно заметил полковник ГШ РФ: «Исследование «идей в головах» командиров 30-40-х годов, это все же не совсем объективно. Они анализировали в 2000 году материалы публикаций 30-х годов в околонучных журналах, теории, обсуждение теорий в открытой печати. А вот что было записано в наставлениях по ведению операций, службе штабов, боевых (полевых) уставах, чем, собственно, и руководствовались, и **обязаны** были руководствоваться командиры РККА? Статьями из журналов? У Жукова всю войну с собой всегда была Свечинская «Стратегия», им лично «исчерканная и подчеркнутая» с пометками на полях, и что – что это доказывает? Свечина-то расстреляли. В итоге в 2000 году ребята из ИВИ, видя бой со стороны и зная итоговые результаты, преподносили в исследовании те мысли военных ученых, которые ВПОСЛЕДСТВИИ стали пророческими? Так это угадали или этим обязаны были руководствоваться? Мало ли кто и что угадал? И стоит ли опираться на это в исследовании?..*

Однако тут я все же встану на сторону профессионализма историков из ИВИ...)

* * *

Далее Дайнес показал, что «превентивные» идеи всячески проповедовал Тухачевский (коим потом так восторгался в мемуарах Г. К. Жуков) или начальник Штаба РККА Егоров: «В 1932 г. под руководством начальника Штаба РККА Егорова были разработаны, а затем представлены в Реввоенсовет СССР тезисы «Тактика и оперативное искусство РККА

начала тридцатых годов». В них подчеркивалось, что «новые средства вооруженной борьбы (авиация, механизированные и моторизованные соединения, модернизированная конница, авиадесанты и т. д.), их качественный и количественный рост ставят по-новому вопросы начального периода войны и характер современных операций». В этом документе были определены основные цели групп вторжения: а) уничтожение частей прикрытия; б) срыв в пограничных районах мобилизации и новых формирований; в) захват и уничтожение запасов, образованных противником для ведения войны и удержание районов оперативного значения, указанных в задаче как одна из основных целей глубокого вторжения на территорию противника; г) вынудить противника отнести развертывание глубоко в тыл⁵. Решая эти задачи, стороны, по мнению Егорова, будут стремиться упредить противника в развертывании главных сил и захвате стратегической инициативы» (указанное сочинение, с. 221–222).

И данные идеи к 1941 году главенствовали в головах наших стратегов – наследников и учеников егоровых и тухачевских, которые проповедовали, что и немцы начнут воевать не всеми силами и сразу, а «армиями вторжения», да еще и без танков, чтобы сорвать нашу мобилизацию и развертывание. Хотя как верно показывают штабисты, если «посмотрим на оперативное построение немцев, то у них» конечно же «не все в первом эшелоне. Построение танковых групп – трехэшелонное. К чему бы это? Чтобы навалиться ВСЕМ и СРАЗУ? Да ничего подобного – местность не позволяла и, особенно, дорожная сеть». Т. е., понимать буквально, что немцы всеми силами, несколько сотен тысяч солдат и одновременно пересекут нашу границу, не стоит...

«Внезапное нападение Германии на Польшу обсуждалось в декабре 1940 г. на совещании высшего руководства РККА. На нем были подмечены внезапность нападения, решающая роль авиации и **танковых** войск в ведении маневренной войны и **нанесении мощных ответных ударов по противнику в самом ее начале**».

Т.е. на декабрьском совещании уже обсуждались идеи «**нанесения мощных ответных ударов по противнику в самом ее начале**», если враг нападет на СССР. Хотя формально данные идеи, насколько известно, в виде директив, приказов и тому подобных наставлений-инструкций точно не оформлялись...

* * *

Однако идеи «невинных жертв 1937 года» просто навязывались будущими «невинными жертвами 1941 года»: «В то же время считалось, что внезапное нападение заранее отмобилизованными силами возможно лишь в войне с **небольшим государством**. Для нападения же на Советский Союз противнику **потребуется определенное время**, чтобы отмобилизовать, сосредоточить и развернуть основные силы».

Но ведь Германия уже в состоянии войны с сентября 39-го – какого хрена забивать в наши планы такие дурости-то?

Как уверяют историки ИВИ: «Предполагалось, что обе стороны начнут боевые действия **лишь частью сил**, а для развертывания главных сил Красной Армии, равно как и главных сил вермахта, **потребуется около двух недель**».

⁵ Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940 гг.). С. 377–378

* * *

На этом совещании генерал Кленов, начштаба Приб-ОВО и накинулся с критикой на Иссерсона, с его книгой «Новые формы борьбы», за его оценку опыта германо-польской войны. Особенно по поводу того, что **«начального периода войны не будет», а начнется она вторжением готовых сил.** «Я считаю подобный вывод преждевременным, – заявил Кленов. – Он может быть допущен для такого государства, как Польша, которая, зазнавшись, потеряла всякую бдительность и у которой не было никакой разведки того, что делалось у немцев в период многомесячного сосредоточения войск». ⁶ (указанное сочинение, с. 226–227).

Вот как Дайнес показывает воззрения наших стратегов РККА:

«В целом официальный взгляд на начальный период войны в конце 30-х годов сводился к следующему:

1. Современные войны не объявляются, а начинаются внезапно, вероломно. Поэтому уже в мирное время должны быть созданы могучие вооруженные силы, находящиеся в постоянной боевой готовности.

2. **Война начнется крупными силами, но не основными. В это время главные силы будут завершать мобилизацию, продолжают сосредоточение и стратегическое развертывание под прикрытием первого эшелона.**

3. **Войска приграничных военных округов (армии прикрытия), заранее отмобилизованные, развернутые и приведенные в повышенную боевую готовность, должны нанести немедленный ответный удар. Одновременно начнется всеобщая мобилизация для создания второго стратегического эшелона главных сил Красной Армии.**

4. **В ходе начального периода армии приграничных округов, опираясь на действия авиации, бронетанковых и механизированных войск, отразят нападение противника и перенесут борьбу на его территорию.**

Одновременно завершаются мобилизация, сосредоточение и развертывание главных сил, которые, опираясь на успешные действия войск армий прикрытия, начнут свои операции в значительно более выгодных условиях, чем это было возможно при прежних взглядах на ведение начального периода войны.» (указанное сочинение, с. 226).

Как видите, вроде бы понимают наши военные, что нападать Германия будет сразу, не объявляя войну, да и танки применят сразу же, а не спустя «пару» дней, но все равно проповедуют – нападение начнется «армиями вторжения»... не основными силами, которые у немцев будут с началом войны только разворачиваться и отмобилизовываться. Что даст и нам время на наше развертывание и отмобилизование.

И хотя «эти установки во многом уже не отвечали изменившимся условиям развязывания войны» и «это со всей очевидностью выявилось при нападении Германии на Польшу, а затем при разгроме Франции», наши стратеги образца 1940–1941 годов не желали это учитывать. А ведь «И в том и в другом случае **Германия нанесла удар [заранее] скрытно отмобилизованными и развернутыми главными силами**». И на том же совещании нарком обороны Тимошенко, «который правильно отметил крупные изменения в оперативном

⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). С. 153

искусстве воевавших армий, тем не менее, заявил: «**В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового...**»⁷» (с. 203)

И уже Жукову спустя годы в его «улучшенные» мемуары было добавлено, что:

«Крупным пробелом в советской военной науке было то, что мы не сделали практических выводов из опыта сражений начального периода второй мировой войны на Западе». (Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1, с. 323–324)

И далее Жуков пишет: «При переработке оперативных планов весной 1941 года практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. **Нарком обороны и Генштаб (лично Жуков – «генштабист») считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений.** Фашистская Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания ставилась в одинаковые условия с нами. На самом деле и силы, и условия были далеко не равными» (там же, с. 338).

* * *

Т.е. Жуков расписался в собственной минимум некомпетентности и посыпал голову пеплом. Если, конечно, именно это он писал в черновиках, из которых это и добавили в новое переиздание наследники. Ведь как верно указывает «генштабист», «Жуков говорит о том, что в руководящие документы это не попало и ему нечем прикрыть задницу, при этом употребляет «мы», а «мы» в словах НГШ – это именно сам Жуков».

Но зачем Жуков это делал и такое писал, будучи уже «маршалом Победы»? Что прикрыл этим и от кого? Почему посчитал, нужным и более полезным сказать, что он виноват конкретно в этом – что он скрывал?

* * *

Полковник ГШ РФ: «Вот и всплывает главное – понимали, что планирование нереальное, понимали и в мае доложили Сталину, что опережает немец нас в развертывании? Но в планах и докладах оставалось это, т. к. иначе ничего не сходилось – вот она суть, вот она – вина Жукова? Он знал, что планирование нереально, уже в мае, но другого плана составить в этих условиях не мог и начал импровизацию, которая материально обеспечена не была, реальной обстановке и развитию событий не соответствовала, а потеря связи не позволила адекватно провести оценку обстановки. Войска начали выполнять задачи, заложенные в конвертах, а они не соответствовали замыслу Жукова. А перейти на «ручное управление» (для чего он поперся на ЮЗФ) он не смог именно из-за отсутствия связи и необъективной оценки обстановки?»

Немцы разве шаблонно, не внося изменений и дополнений, уточнений, тупо работали по одному сценарию? Ничего подобного, сравниваем их директивы по Польше, Франции, СССР. Да разные они по содержанию, масса особенностей, но шаблона как такового и не обнаруживается. Так какой опыт должны были учесть?»

На слова Жукова, что «силы и условия были далеко не равными» полковник ГШ С. пишет: «Да не то, что равными, а еще и с существенным превосходством уже только войск приграничных округов над группировками противника! Но почему же тогда последовал раз-

⁷ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. М., 1993 Т. 12(1). С. 339.

гром советских войск? Вывод напрашивается, что совсем не в этом дело, а эту дезу нам Жуков дает, прикрывая что-то. Но что? Вот оно, главное – не внезапность, не «не учли», а что тогда? На чем Мартиросян строит версию предательства?»

* * *

Но вот что интересного показал доцент Дайнес.

Пункт 2 – это ведь как раз про РККА времен Жукова в июне 41-м: **«главные силы будут завершать мобилизацию, продолжат сосредоточение и стратегическое развертывание под прикрытием первого эшелона»**, пока первый эшелон воюет, отражая нападение врага. А ведь как пишет «генштабист», если «сравнить боевой состав округов и так называемых вторых стратегических эшелонов», то увидеть, где тут главные силы, совсем не просто. И в самих округах, как писал в 1965 году тот же Грецов, в том же КОВО силы первого эшелона прикрытия, приграничные дивизии, и второй эшелон округа распределялись по количеству так:

«Всего в составе Киевского особого военного округа на 21 июня насчитывалось: стрелковых дивизий – 32, танковых – 16, моторизованных – 8, кавалерийских – 2, танков тяжелых и средних – 914; БТ и Т-26 – около 3000, самолетов 2000 (см. таблицу на стр. 29). Некомплект в людях, вооружении и транспорте в некоторых стрелковых дивизиях достигал 30, а в танковых и моторизованных – до 50 процентов.

В эшелоне прикрытия (5, 6, 26, 12-я армии) располагались 15 стрелковых дивизий, 3 механизированных корпуса (танковых дивизий – 6, моторизованных дивизий – 3), всего 18 стрелковых и моторизованных и 6 танковых дивизий. Протяжение государственной границы и соответственно протяжение фронта боевых действий в границах КОВО составляло около 900 километров. **Это означало, что на каждые 50 км фронта прикрытия границы или полосы предстоящих боевых действий приходилась в среднем одна стрелковая дивизия и около половины сил танковой дивизии».**

Т.е. на границе, в первом эшелоне, оказалось меньше половины всех дивизий округа – 24 из 58. Растянутых на 900 км границы.

Так же в первом эшелоне в КОВО, как и в соседних округах, находились наиболее укомплектованные, и значит, наиболее боеспособные мехкорпуса. И те же склады в КОВО том же располагались интересно:

«Особенность системы базирования Киевского округа за ключалась в том, что **большинство складов было приближено к государственной границе и размещалось на линии Ковель, Ровно, Тернополь, Коломыя.** При благоприятном для нас ходе военных действий такое размещение было бы выгодным, но в обстановке, создавшейся в начале войны, получилось наоборот. На некоторых направлениях склады оказались в зоне боевых действий на второй день войны». (М. Д. Грецов, указанное сочинение, с. 21)

* * *

Пункт 3 – наши округа должны будут, зная дату нападения, заранее привести себя в повышенную б.г. и как только враг нападет, ударить **немедленным** ответным ударом – **«Войска приграничных военных округов (армии прикрытия), заранее отмотобилизованные, развернутые и приведенные в повышенную боевую готовность, должны нанести немедленный ответный удар»!** И это и было основной идеей «южного» варианта отражения агрессии-нападения по Жукову.

Полковник ГШ РФ отмечает: «Манштейн под Харьковом так и сделал, и нанося удар на другом направлении, решал задачу на главном. И путь до Сталинграда прошел в походных колоннах. Значит, не в этом дело?»

Но одно дело такая операция в масштабах фронта и тем более армии, а другое – в масштабах нескольких округов-фронтов.

Однако полковник задает вполне верные вопросы: «Что значит “должны были”? Они и знали дату, и привели войска в б.г. (приводили). Им не надо было отмотобилизовываться, а только доукомплектовать, да и то только тылы. А проиграли тогда почему?»

* * *

Пункт 4 – дальше война идет по сценарию – наш ответный удар позволил перенести войну на территорию врага.

И пока наши силы округов, заранее приведенные в повышенную б. г (в полную их перевели в ночь нападения, о котором сообщили округам «Директивой б/н» от 22.20 21 июня), главные силы РККА, прибывающие из внутренних округов, доводятся до ума – отмотобилизовываются и разворачиваются для красивого похода на Берлин.

Т.е. ответный удар наносится в то время, пока главные силы – за спиной тех, кто наступают «на Люблины», отмотобилизовываются и разворачиваются. Но если вы упустите момент и не ударите сразу же, «на следующий день» буквально – то враг может вклиниться слишком далеко в ваши тылы. И это и произошло на вторых январских КШИ, когда немцы смяли ЗаОВО и стали угрожать Жукову, который уже именно на следующий день рванул «на Будапешт».

Тогда ситуацию спасли мифические виртуальные и непонятно откуда взятые резервы – 18 дивизий при 2 тысячах танков, которые остановили «западных» в Белоруссии и спасли Жукова от окружения и погрома. В реальности – все было страшнее. (Об этих Играх поговорим подробнее чуть позже...)

А еще нам обязательно надо знать дату нападения врага заранее, недели за две, и начинать готовиться к этому нападению. Что и делалось в реальности перед 22 июня.

* * *

Как видите, воззрения наших стратегов в НКО и ГШ к 1941 году, хотя и изменились с учетом новой техники в армии, но, по сути, остались на уровне опыта Первой Мировой (по крайней мере они в мемуарах пытались именно этим «прикрыться»). А ведь **13 января 1941 г. Сталин**, выступая на заседании Главного военного совета, **указал военным, что пора «расклевать опыт гражданской войны» и взять на вооружение новый опыт.** И далее он заявил: «Современная война будет войной моторов. Моторы на земле, моторы в воздухе, моторы на воде и под водой. В этих условиях победит тот, у кого будет

больше моторов и большой запас мощностей» (Цит. по: Казаков М. Н. Над картой былых сражений. М., 1971 г., с. 61)

* * *

(Примечание. Полковник ГШ РФ: «Слова Сталина – это лозунг политического руководителя. Вопрос – кто и как ее начал решать. Павлов с комиссией по мехкорпусам, например, не начал это делать? А формирование авиационных дивизий не из этой серии? Не так все безнадежно, оказывается, если задачу разложить на мероприятия»...)

* * *

Возвращаемся к тому, что еще прописывалось в общих «Соображениях» Шапошникова-Мерецкова, что оставалось неизменным к июню 41-го, а что изменилось...

«Общий замысел применения основных сил состоял в том, чтобы на **первом этапе** активной обороной прочно прикрыть наши границы в период сосредоточения советских войск и не допустить вторжения противника в пределы СССР; на **втором этапе** мощными ударами главных группировок войск фронтов нанести решительное поражение противнику и выйти на р. Висла, в дальнейшем развивать наступление на Краков, Бреслау и выйти к верхнему течению р. Одер.

В соответствии с оценкой противника и общим замыслом отражения его нападения намечалось два варианта стратегического развертывания главной группировки войск на Западе. В одном случае она могла быть развернута к югу от Брест-Литовска, а в другом – к северу от него. Все зависело от политической обстановки, которая могла сложиться непосредственно к началу войны». («1941 год – уроки и выводы», с. 55).

(Примечание. Историков ИВИ опять немного пожурил генштабист: «Ну, это болтовня. Смотрим конкретику: эшелонирование и подчиненность мехкорпусов, что придавалось армиям 1-го эшелона, для чего, как укомплектовано; что в распоряжении фронтов и для чего, их задачи; что в центральном подчинении. Итак, так, где главные силы-то? Почему немцы так радовались начавшемуся выдвиганию к границе вторых эшелонов? Вот там и собачка-то «порылась», смотри эшелонирование и боевой состав группировок, их зоны ответственности, что им «нарезано» по задачам?»...)

* * *

Вот самое важное – по переделанным «Соображениям» того же Мерецкова (точнее, еще Шапошникова – ведь Мерецкова и сняли, в общем, за то, что тот толком ничего не сделал) **на один и тот же наиболее вероятный и главный удар немцев – «севернее Бреста», предлагается уже два варианта отражения агрессии. И то, какой вариант будет задействован, зависит от некой «политической обстановки»** (связанной, видимо, с вопросом о союзниках Германии на Балканах). **А не в зависимости от того, где Гитлер разместит свои главные силы к моменту нападения – это оставалось однозначным для НКО и ГШ! Ведь главный удар от Гитлера ждали только севернее Бреста.**

Шапошников предлагал, что **именно против «главных» сил Гитлера должны были выставляться и главные силы РККА!** Но Мерецков тогда же, в сентябре-октябре

1940 года, сразу же подготовил и «южный» вариант отражения агрессии – если **немецкие главные силы выставляются против ПриБОВО-ЗапОВО, то наши главные силы собираются в КОВО**. Т. е. идея нанесения нашего главного ответного удара по «неосновным» силам противника появилась уже при Мерецкове.

* * *

(Примечание. Как считает военный исследователь М. Нейман, Шапошников в своих «Соображениях» делал расчеты исходя из того, что РККА сможет действовать успешно только «при условии упредительного удара. Ведь в соображениях Шапошникова про оборону ни полслова. Везде “нанести удар по сосредоточивающимся войскам противника”». Но это не совсем верно. Если бы он предлагал нанести «упреждающий» удар по «сосредоточивающимся» немецким войскам, то он бы так и написал прямо.

Как об этом писали прямо в «Соображениях от 15 мая» 41-го Жуков и Василевский.

Т.е. у Шапошникова и потом у Мерецкова вполне оборонительные «Соображения» – наши ответные удары по немецким группировкам на их территории, в случае если Германия нападет. Ведь немцы физически не смогут пересечь границу именно ВСЕМИ силами вермахта, подготовленными для нападения на СССР на каждом конкретном участке границы, в первые же сутки-двое. Т. е. при немедленном ответном ударе, РККА сама атакует противника, и пока он пытается развить успех, мы наносим удары по их основным группировкам в той же Пруссии или еще где. В точности по воззрениям на стратегию НКО и ГШ тех лет.

Также, по мнению М. Неймана, «немцы реально сумели нанести именно два главных удара». Но это как поглядеть и зависит от того, сколько каких сил где использует в ударах противник, и по ПриБОВО-ЗапОВО немцы нанесли более мощный удар, чем их союзники при поддержке немецких дивизий по Украине... Всего удара-направления было ТРИ, но самым сильным из них, а значит и главным – был в Белоруссии...)

* * *

Так что же такое «Соображения от 11 марта», в которых немцев ждут главными силами против Украины, и почему (зачем) у рукописного, скорее всего подлинного варианта Василевского появились явно липовые «копии»? Это – некий черновик («проект»), который уже Жуков должен был подготовить наравне с «северным» вариантом отражения агрессии весной 41-го. «Шпаргалка» Жукову для его доклада Сталину, на котором Жуков будет на «политических» картах показывать общий замысел наших ответных действий на случай войны с Германией. После чего напишутся уже «чистовые планы» и такие же «чистовые» топографические карты к ним. Которые и будут уже окончательно подписаны и утверждены НКО и ГШ, и Сталиным.

По этим «Соображениям» главные силы немцев ожидаются против Украины-КОВО и поэтому там же сосредотачиваются и наши главные силы для отражения нападения и последующего ответного наступления. И именно это и предусматривали «Соображения» Шапошникова – наши главные силы против главных сил противника.

Но Тимошенко и Жуков начали подготовку к войне по другому, «южному» варианту, в котором главные силы из КОВО должны будут нанести либо ответный, либо даже превентивный (почему бы и нет) удар по неосновным силам противника. И вот как раз такой «исторический мусор» в виде копий с явными признаками фальшивок и должны вызвать недоверчивое отношение исследователей к тем «Соображениям» по «южному» варианту, которые были одобрены Сталиным реально. И по которым и должны были военные готовиться к войне – к нападению Германии. И данные опубликованные по сути фальшивки

и должны отвлекать исследователей от тех, по которым военные сами готовились воевать на самом деле.

Ждали ли против Украины на самом деле наши военные главные силы весной 41-го, было ли это «мнением» Сталина – ждать на Украину главный удар немцев? Нет, и дальше мы это увидим.

После того как общие «Соображения» Мерецкова были рассмотрены Молотовым и Сталиным, в октябре 40-го Генштабу была поставлена задача готовить два варианта отражения агрессии Германии – Главные силы РККА против главных сил вероятного противника. Мерецковым был предложен такой вариант – наши главные силы против не главных сил врага. Но Генштабу было указано – подготовить еще и «северный» вариант – с размещением наших главных сил в ПриОВО-ЗапОВО против главных сил Германии, сосредотачивающихся в Восточной Пруссии. Срок окончания обеих разработок был – к 1 мая 1941 года максимум:

«5 октября 1940 г. доклад «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке в 1940–1941 гг.» обсуждался руководителями партии и правительства. В ходе обсуждения Генеральному штабу было поручено доработать план с учетом развертывания еще более сильной главной группировки в составе Юго-Западного фронта.

14 сентября (так в исследовании – должно быть – 14 октября – К. О.) 1940 г. доработанный вариант плана («южный») был представлен правительству на утверждение. В нем **главной группировке в составе Юго-Западного фронта ставилась задача по нанесению более мощного удара в направлении Люблин, Краков и далее на Бреслау.**⁸ Боевой состав фронта с учетом резерва планировалось довести до **103 дивизий**, 20 танковых бригад и 140 авиационных полков. Одновременно в тылу фронта должен был развернуться резерв Главного Командования в составе до 23 дивизий. Задачи Западного и Северо-Западного фронтов в основном оставались прежними.

Планом предусматривалось к 1 октября 1941 г. развернуть два фронтовых и два армейских управления, довести численность авиации до 20 тыс. самолетов, сформировав 100 авиационных полков.

Одновременно было решено разработать и другой вариант («северный»). По нему основная группировка войск развертывалась в полосе Западного и Северо-Западного фронтов.

Разработку «южного» и «северного» вариантов плана на местах планировалось закончить к 1 мая 1941 г.⁹ («1941 год – уроки и выводы», с. 57).

* * *

Т.е., 5 октября 1940 года Сталину представили новые «Соображения» Мерецкова, в которых главные силы противника ожидаются севернее Бреста, а южнее – достаточно слабые силы союзников Германии. Мерецкову дали указания – усилить КОВО, так как вряд ли против Украины противник выставит так мало сил, и Мерецков к 14 октября и предложил

⁸ Там же, ЦАМО, ф. 16А, оп. 2951, д. 242, л. 87

⁹ ЦГАСА, ф. 37977, оп. 2, д. 328, л. 231.

новый проект – усилить КОВО и оттуда нанести свой ответный удар, по все равно не главным силам противника. На что ему указали, что надо подготовить и «северный» вариант – размещение наших главных сил севернее Бреста. Против главных сил врага. И «южный» вариант – главные силы РККА в КОВО, если противник выставит свои главные против Украины.

Мерецков «северный» вариант толком не подготовил, и этим занялся в феврале 1941 года уже Жуков. Должен был заняться. Но как показал в своих «исследованиях» этих «Соображений» М. Солонин, 1 февраля 41-го срок исполнения документации на местах «северного» варианта был изменен с «к 1 мая» на «к 1 июля»: «Пунктом 18-м стоит требование *«обеспечить войска топографическими картами по «южному варианту» – к 1.5.41, по «северному варианту» – к 1.7.41 г.»*. («Первый удар». Военно-промышленный курьер, №№ 24–27 от 20.06 по 11.07.2012 года):

* * *

А теперь смотрим, что было в предложенном новом «южном» варианте у Мерецкова и что осталось однозначно и у Жукова весной 41-го, по которому он и собирался воевать на самом деле...

«В первом варианте («южный») с развертыванием главных сил (РККА – К. О.) к югу от Брест-Литовска (приложение 15) была выражена идея создания наступательно-оборонительной группировки.

Основная задача Юго-Западного фронта (6 общевойсковых и конно-механизированная армии, 90 дивизий, 5 танковых бригад и 81 полк авиации) состояла в том, чтобы во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта **нанести решительное поражение люблинсандомирской группировке противника** и выйти в дальнейшем на р. Пилица и верхнее течение р. Одер.

Таким образом, **главную группировку войск Генеральный штаб планировал развернуть к югу от Брест-Литовска, т. е. против неосновных сил противника (!!! – К. О.), с тем чтобы мощным ударом на люблин-бреславском направлении на первом же этапе войны отрезать Германию от Балканских стран, вывести их из войны, лишив тем самым фашистский рейх важнейших экономических баз.** («1941 год – уроки и выводы», с. 55).

Как видите, уже у Мерецкова появляется идея, что нам надо выставлять наши главные силы на Украине, чтобы ударить по «неосновным силам» врага, атакующего своими главными «севернее Полесья». Причем наш ответный удар уже предлагается как в общем **немедленный.**

И эта идея нанесения ответного удара нашими главными силами по слабым («неосновным») войскам врага, в то время когда начальником ГШ стал Жуков – стала преобладать и начала реализовываться практически открыто. Хотя никакого «политического» или военного решения от Сталина об этом точно не было. По крайней мере, нет опубликованных документов о том, что Сталин «выбрал» именно этот «южный» вариант, и самое важное – **маршалы никогда в мемуарах не писали – Сталин заставил нас выбрать и применить южный вариант, по которому главные силы немцев ожидалось севернее Бреста!** Они писали несколько по-другому: «тиран заставил нас считать Украину главной целью Гитлера», мол, по Украине ожидается главный удар немцев и поэтому там столько войск оказалось!

К февралю 1941 года основные группировки вермахта против СССР с фамилиями командующих группами армий Генштаба были известны. И по ним выходило, что Шапош-

ников был прав – по Прибалтике-Белоруссии будет нанесен один удар, Главный (который можно назвать «сдвоенным»), «севернее устья р. Сан», а против Украины – свой отдельный, но все же вспомогательный. Ведь по «теориям военной науки» только один удар может быть главным. Помните, как Сталин предлагал Рокоссовскому «подумать» в соседнем кабинете несколько раз, когда тот предложил операцию «Багратион» провести не с одним (как «положено») а с двумя главными ударами? (Почему при Мерецкове было именно так – откуда такие идеи нанесения ответных ударов из Украины вообще пошли? И об этом чуть позже – в работе маршала Захарова подробно увидим). Однако наши стратеги в НКО и ГШ начали продвигать свой «южный» вариант – наши главные силы наносят ответный удар по неосновным силам противника – из КОВО.

«В основе своей этот замысел следует признать целесообразным. Он позволял в короткие сроки изолировать главного противника от его союзников, что имело важное политическое значение. Наступление на этом направлении проходило бы по слабо подготовленной в оборонительном отношении территории бывшей Польши. Однако **замысел, основанный на идее нанесения мощного контрудара, а не отражения агрессии путем ведения обороны, требовал точного учета сил и планов противника.** Как признавал Г. К. Жуков, в плане не учитывался возможный объем и «характер самого удара» агрессора». (указанное сочинение, с. 55–56).

* * *

Действительно, «теоретически» данный замысел, нанесение своего главного удара по слабому флангу нападающего противника, вроде как имеет смысл, «целесообразен». Однако в таких масштабах, в масштабе 4 ок ру гов-фронтов, это было опасно тем, что при малейшей несогласованности действий, при малейшей неготовности своих сил все может кончиться провалом и катастрофой. Что и произошло в реальности. Но обратите внимание, что об этой «идее» написали в этом исследовании – это был **«замысел, основанный на идее нанесения мощного контрудара, а не отражения агрессии путем ведения обороны»!**

Т.е. **вместо организации и ведения обороны Жуков и Тимошенко надумали готовить именно ответный контрудар!** И удар этот должен был быть именно **«немедленный»**, **буквально в первые же дни вражеского вторжения.** Иначе никак. Иначе вся идея с этим ответным ударом окажется пустышкой – немцы своими главными силами могут вклиниться глубоко на территорию ПриОВО и ЗапОВО, смяв слабые силы этих округов, и удар из КОВО будет просто бессмысленен и невозможен. Что, кстати, и произошло в реальности – немцы так быстро и глубоко вклинись в Прибалтике и Белоруссии в первые же дни, что пришлось забирать из КОВО армии усиления, а сам удар из КОВО «на Люблин» по «Директиве № 3» оказался холостым. (Почему ответный удар планировался именно немедленным? Об этом подробнее тоже чуть позже – в работе маршала Захарова о КШИ января 41-го.)

* * *

(Примечание. Если быть точными «до мелочей», ответный удар, как показывает М. Нейман, «планировался не всеми силами КОВО, а частью сил ЮЗФ (приграничными частями) – оборона, резервами фронта РКК – контрудар». Также в этом ударе должны были участвовать и те же мехкорпуса КОВО...)

* * *

Жуков продолжил претворять в жизнь идею нанесения ответного удара по неглавным силам врага, прекрасно понимая, что это именно НЕ ГЛАВНЫЕ силы – «главную группировку войск Генеральный штаб планировал развернуть к югу от Брест-Литовска, т. е. **против неосновных сил противника**, с тем чтобы **мощным ударом на люблинбреславском направлении на первом же этапе войны отрезать Германию от Балканских стран**, вывести их из войны, лишив тем самым фашистский рейх важнейших экономических баз».

А главные силы противника, Германии, ожидалось нашими военными именно против ПриОВО-ЗапОВО, но не Украины-КОВО. Ведь это же якобы Сталин, а не Жуков считал, что немцы главными силами ударят по Украине, помните? А сам он, согласно своим собственным мемуарам, так не считал, он точно знал, что немцы главные силы сосредоточат на Белоруссии и Прибалтике. А «тиран», видимо, силой, заставлял их нагонять войска в КОВО. Но на самом деле сами **жуковы прекрасно знали, как и какими силами немцы будут нападать – массированно и сразу. И главное, где – севернее Полесья.**

Но почему же в плане не учитывался возможный объем и «характер самого удара» агрессора? Почему Жуков пытался уверять подчиненных, что в центре, по ПриОВО-ЗапОВО, противник не нанесет свой главный удар так сильно? Почему Жуковым не учитывался возможный объем и характер самого удара агрессора, что немцы нанесут свой удар всеми силами и сразу, а не частью сил – «армиями вторжения», пока их главные силы будут еще две недели собираться с силами? Увы, выяснить мотивы Жукова или тех, кто ему писал те явно провальные планы, схожие по своей сути с «Планом поражения» Тухачевского, сегодня мы вряд ли сможем. Однако чуть позже мы увидим точно так же, на январских Командно-Штабных Играх (КШИ) января 41-го, от немцев также почему-то не ждали удара всеми силами главных сил на одной из игр. Т. е. немцев выставляли заведомо идиотами, выдумывая за них «виртуальное» поведение при нападении на СССР.

Многие профессиональные историки и те, кто писал исследование «1941 год – уроки и выводы», считают, что виной всему слабая теоретическая военная подготовка самого Жукова прежде всего и той чехарды со сменой начальников ГШ и их подчиненных в Генштабе после назначения наркомом обороны Тимошенко: «Негативно сказывались частая смена руководящих оперативных работников Генерального штаба (особенно **начальников ГШ и оперативного управления**), недооценка и непонимание роли этого органа в стратегическом руководстве войсками со стороны Верховного Главнокомандующего».

* * *

Тут стоит пояснить – «Верховного Главнокомандующего» до июля 1941 года еще не было ни в стране, ни в армии – им в июле 41-го стал Сталин. А вот Главкомандующим в случае начала войны был только один человек – нарком обороны СССР, который и был им несколько первых недель после начала войны. Т. е. именно благодаря Тимошенко перед войной в Генштабе меняли начальников через каждые полгода.

Но заметьте, это именно Генштаб, еще времен Мерецкова, и предложил, а Жуков продолжил осуществлять идею – нанесение мощного ответного удара главными силами РККА по «неосновным» силам Германии. И Сталин тут в принципе ни при чем. Т. е. уже Жуков, зная к весне 41-го, что против КОВО так и остаются «неосновные» войска противника, предлагал именно из КОВО нанести наш ответный удар – «**нанесения мощного контрудара, а не отражения агрессии путем ведения обороны**»! А в Белоруссии и Прибалтике наши войска как-нибудь удержат и сдержат главные силы немцев. Но когда эта аван-

тюра не удалась и страна и армия умылись кровью, Жуков стал врать, что войска в КОВО под то наступление немедленное ответное они нагоняли, потому что Сталин «заставлял их в НКО и ГШ считать», что немцы главными силами полезут на Украину и против КОВО они якобы и выставляют свои главные силы.

«Предполагалось, что на минском направлении 63 дивизии приграничных округов, ведя активную оборону, могут противостоять удару главных сил противника. Данное предположение не учитывало реально складывавшейся обстановки, когда немецкие войска упреждали Красную Армию в стратегическом и оперативном развертывании.»

Это особенно заметно, когда сравниваются перегруппировки и сосредоточение войск. Уступая противнику в пропускной способности железных и шоссейных дорог, советские войска на 5-й день мобилизации могли сосредоточить в планируемых районах только 17 стрелковых дивизий, на 10-е сутки – 24, на 20-е сутки – 46 и лишь на 35-е сутки – 75 дивизий. Таким образом, **переход в общее наступление главных сил был возможен только на 35-е сутки.** Даже при одновременном начале перегруппировок противник имел все возможности упредить советские войска в выдвигании и создании группировок сил и средств. Это позволяло ему захватить инициативу и создать предпосылки для успешных боевых действий в начальном периоде войны. В реально создавшейся обстановке вермахт завершил развертывание полностью, а советские войска его лишь начали». («1941 год – уроки и выводы», с. 56)

Т.е. Мерецков (а потом и Жуков), планируя ответный удар из КОВО, по безграмотности или авантюристичности своей (предательский умысел пока предполагать мы не можем), не учел, что планируемые им 63 дивизии в Белоруссии просто не успеют подготовиться к войне в случае внезапного нападения врага всеми силами. И не смогут в реальности «противостоять удару главных сил противника», которых согласно «Соображениям Мерецкова», вдвое больше! **И тем более переходить в контрнаступление в помощь КОВО «на Сувалки».** По крайней мере, **переходить в немедленное «общее наступление» главными силами из КОВО, когда главные силы врага чуть не двойного перевеса ударят севернее по нашим войскам, которые однозначно не успеют быть готовыми к этому удару в той же степени боеготовности, как и вермахт – это не просто авантюра, это преступление и осознанное преступление.** Ведь готовить планы на какой-то период, на ближайшее время, которые не проработаны и не могут быть выполнены именно в ближайшее время, – это и есть авантюра.

Полковник ГШ РФ задает важные вопросы: «На каком основании Жуков должен был учесть, что планируемые им 63 дивизии в ЗапОВО не успеют быть готовы к войне в случае внезапного нападения? Там были самые небоеспособные дивизии и мехкорпуса? Или местность, которая не способствует ведению обороны? Что там такое, что обуславливает его решение как авантюрное? Посмотрим на соотношение сил и средств... В технике у нас преимущество и значительное, а в людях уступаем несущественно, а уж обороняться – вообще не проблема! Так почему авантюрное и безграмотное?»

Увы, часть этих дивизий была в стадии формирования. Мехкорпуса также были не все боеспособны – в некоторых даже стрелкового оружия у личного состава не было на июнь 41-го. Видимо, трудно было получить на складах вооружение округа и заложить в казармы дивизий. Участок от Бреста до Белостока, **около 50 км,** должна была закрывать **армия, которая существовала только на бумаге.** Павлов отмечал состояние войск его округа как пла-

чевное по той же авиации. В общем, на бумаге расписать красиво, кто и как воевать будет – это одно. А вот иметь эти войска в реальном боеготовом состоянии – другое.

А ведь никто вроде не считал Мерецкова или Жукова и ему подобных тупыми недочками, назначенных вместо «гениальных» поручиков тухачевских командовать Красной армией? Однако эти «стратеги» пошли на подмену утвержденного (одобренного как минимум) Сталиным «южного» (и «северного») варианта, в которых предусматривалась хоть какая-то оборона, при трезвом взгляде на состояние РККА, которая находилась в состоянии реформ и реорганизации. И решили реализовывать свой «южный» вариант отражения агрессии любой ценой. Путем **«нанесения мощного контрудара, а не отражения агрессии путем ведения обороны»** из КОВО, в то время когда враг главными силами ударит севернее «припятских болот»! Посчитав, видимо, что с этим можно справиться с тем, что есть в армии, в округах.

Как точно отмечает «генштабист» С., Жуков и Тимошенко при этом действовали в пределах своих обязанностей, как нач. ГШ и нарком обороны: «Такое развитие предполагали их должности, заметьте – вторая по значимости у того же Жукова в армии! Это он решением партии и правительства назначен на должность самого компетентного военного, вырабатывающего военные решения, так почему мы обвиняем его в нарушении полномочий, если он ими полноправно обладает? Сталин его и назначил. Это его решение, вполне дозволенное ему этой должностью! В чем преступление? Ошибка? Просчет? Что это, если не **выполнение** служебных обязанностей, определенных должностью? За что обвиняем? Он **имел полное право** принимать **решение!**»

* * *

Т.е. Жуков и Тимошенко формально вроде как и не нарушили свои «права и обязанности». Но – они злоупотребили доверием, по сути. А страна и армия получили ошибку, которая стала хуже, чем преступлением. Другой вопрос – неужели они были настолько некомпетентны, что не смогли учесть в своих грандиозных планах реальное состояние армии, не готовой в то время выполнять такие задачи?!

Слабость плана Мерецкова-Тимошенко и соответственно и Жукова, как исполнителя этого плана, не только в том, что «исполнители в округах подвели». Но и в самом Жукове в том числе, который продолжал планировать планов громадьи для армии, не могущей в тот момент их выполнить. И как точно пишет полковник ГШ С.: «Поэтому вернули Шапошникова, и битву под Москвой выиграна умом Шапошников, а «дубиной» для генералов – стал унтер Жуков. Но и без этой «дубины» в той обстановке победы быть не могло! Не было у Сталина в запасе «Гинденбургов», о чем он часто и сообщал окружающим, а была рабоче-крестьянская армия, хотя и Красная! См. Мухина: «Если бы не генералы»...»

* * *

Так что «Соображения от 11 марта», опубликованные в «Малиновке», это не более чем черновик одобренного Сталиным «южного» варианта из Соображений Шапошникова-Мерецкова. Но и не менее. Однако им пытаются скрыть мерецковско-жуковский «южный» вариант, который на самом деле и реализовывался. Эти «Соображения от 11 марта» – «южный» вариант, который Жуков и должен был отработать к «1 мая» 1941 года и который и был бы одобрен как «южный» вариант Сталиным, на случай если немцы свой главный удар действительно начнут готовить по Украине.

А что же было расписано по другому варианту – по варианту, который на самом деле и должен был быть основным?

«Во втором варианте («северный») с развертыванием главных сил к северу от Брест-Литовска (приложение 16), замысел сводился к тому, чтобы в течение 20 суток, перегруппировывая и сосредоточивая войска, опираясь на укрепленные районы, активной обороной прочно прикрыть минское и псковское направления и не допустить глубокого вторжения немцев на советскую территорию.

В последующем (на 25-е сутки мобилизации) войсками Западного и Северо-Западного фронтов (около 105 стрелковых дивизий, 5500 танков и 5500 самолетов) **перейти в наступление и нанести решительное поражение главным силам противника (около 140 дивизий, из них 10 танковых) и овладеть Восточной Пруссией.** Одновременно войсками Юго-Западного фронта, прикрывая частью сил Западную Украину и Бессарабию, нанести поражение ивангородско-люблинской группировке противника и выйти на среднее течение Вислы.

Овладение Восточной Пруссией имело важное экономическое и политическое значение, так как резко снижало возможности Германии в ведении войны. Однако **целесообразность нанесения главного удара на этом направлении вызывала большие сомнения Генерального штаба, который вполне резонно считал, что бои в Восточной Пруссии могли принять затяжной характер, а это могло ускорить вступление Балканских стран в войну против Советского Союза.** Тем не менее этот (наступательный. – К. О.) вариант сохранялся, хотя при более тщательной оценке природных условий, высокой подготовленности театра военных действий, соотношения сил и средств сторон (учитывая и качественные параметры соединений) от него можно было отказаться, заменив оборонительным вариантом» («1941 год – уроки и выводы», с.56)

Как видите, это у Генерального штаба, у Жукова были сомнения насчет ответных действий против главных сил немцев по этому варианту. С размещением против этих сил Германии своих мощных группировок. **Ведь этот вариант предусматривал не немедленное ответное наступление на нападение Германии, а спустя чуть не 4 недели.**

И если «при более тщательной оценке природных условий, высокой подготовленности театра военных действий, соотношения сил и средств сторон (учитывая и качественные параметры соединений)» если бы начальником Генштаба был тот же Шапошников (или просто грамотный и умный военный), то «от него можно было отказаться, заменив оборонительным вариантом». Т. е. не планировать еще и из ЗапОВО-ПриОВО ответные наступления (в случае агрессии-нападения Германии) по нападающему главными силами врагу, имеющему минимум полуторный перевес над нашими войсками. Даже спустя эти «25 суток».

По «северному» варианту «гении» ГШ против ожидаемых 130 немецких пехотных дивизий и свыше 2 тысяч танков в В. Пруссии, собирались наступать «встречным ударом» всего 105 дивизиями РККА, правда при поддержке вроде как 5,5 тысячи танков и таком же количестве самолетов.

Однако начГШ был Жуков («самородок» с тремя классами церковно-приходской школы и ученик скорняка), и он также решил, что гораздо умнее будет ударить по более слабому участку границы-фронта. А наши войска, стоящие против немецких главных сил, не только как-нибудь продержатся, но и должны будут еще и отвлекать противника своими частными ударами-контратаками. Дивизиями гораздо меньшего количества, чем при «северном» варианте. Но считал ли на самом деле Жуков, что немцы выставят свои главные силы против КОВО? Да ни в коем случае...

* * *

(Примечание. Как пишет М. Нейман, в принципе то, что планировали в ГШ весной 41-го, вроде как «Тактика активной обороны», всё по науке. Её, кстати, успешно вёл Рокоссовский на Северном фланге Курской дуги, а вот на Южном фланге, у Ватутина, делавшего ставку на стойкую оборону немцы её (оборону) прорвали». Однако в июне 41-го у того же Рокоссовского не были развернуты те самые «тылы», без которых вести ни активную, ни «стойкую» оборону, невозможно. И тем более нельзя переть в контрнаступление таких масштабов. Да, в случае начала войны недостающие тракторы и автомобили он получил бы из народного хозяйства. Но сам Рокоссовский отмечал, что задачи ему по планам ставились такие, как будто у него полноценный корпус, а не «30-процентный»...)

* * *

К сожалению, составители исследования «1941 год – уроки и выводы» не привели сами тексты этих двух вариантов «Соображений» – «южного» и «северного» вариантов отражения агрессии осени 40-го, при которых главный удар немцев ожидался только севернее Польши. Но на приведенных в этом исследовании приложениях «15» и «16» хорошо видно все, что надо, и можно подсчитать количество войск.

По «южному» варианту Мерецкова осени 40-го, который потом трансформировался в «южный» вариант Жукова к июню 41-го, в наших западных округах предполагалось иметь:

С-ЗФ – 6 стр. корпусов, **17 стр. дивизий**, 4 танк. дивизии, 2 мсд, 2 птбр;

ЗФ – 12 ск, **35 сд**, **3 тд**, **1 мсд**, 3 кав. дивизии, **3 птбр** и Ю-ЗФ с ЮФ – 24 ск, **76 сд**, 9 тд, 4 мсд, 5 птбр.

А по «северному»:

С-ЗФ – 8 стр. корпусов, **30 сд**, 4 тд, 2 мсд, 2 птбр;

ЗФ – 3 ск, **41 сд**, **5 тд**, 3 мсд, **5 птбр**, 2 кд, и Ю-ЗФ и ЮФ – 12 ск, **44 сд**, 7 тд, 3 мсд, 7 кд, 4 птбр.

Как видите в ПриОВО-ЗапОВО по этому «южному» варианту – **оставляется около 68 дивизий и 5 противотанковых бригад, а в КОВО-ОдВО выставляется 89 дивизий и 5 ПТБр.** А вот по «северному» варианту в ПриОВО-ЗапОВО – **85 дивизий и 7 ПТБр, а в КОВО-ОдВО 64 дивизии и 4 ПТБр.** При том, что в КОВО общее количество войск снижалось на 32 стрелковые и 2 танковые с 1 механизированной дивизии, оно не становилось меньше немецких намного. Чтобы не иметь возможности противостоять венгерским, румынским и немецким войскам на той стороне, у которых своих танков не так и много.

* * *

Исследование «1941 год – уроки и выводы» писалось для военных академий Москвы еще в 1992 году и писалось как «закрытое» исследование «Для служебного пользования». И составители, работая над этим исследованием, пользовались именно рабочими «Соображениями» – «северным» и «южным» вариантами Генштаба Мерецкова-Жукова, по которым и готовился наш ГШ к нападению Германии на самом деле. Но рабочие «планы войны», похоже, после сентября 1940 года Сталину в принципе или не показывались или, показывая черновые наброски, нарком и начГШ потом уносили их на «доработку», и в итоге к июню 41-го все эти «Соображения» так и были в стадии «разработки». И это вполне позволяло

скрывать от «тирана» то, что готовят военные на самом деле, принося ему на рассмотрение те варианты, которые он одобрил еще осенью 40-го.

Ведь в «южном» варианте, одобренном, и варианте Жукова отличие «небольшое» – главные силы немцев либо напротив КОВО, либо севернее. А каким будет наш ответный удар – немедленным или спустя время, необходимое на подготовку этого удара, в плане не указывается прямо никогда – по мере готовности. А это время – понятие «растяжимое». Как в одну, так и в другую стороны.

«Соображения от 11 марта», из «малиновки» – это некий «проект» «южного» варианта Шапошникова-Мерецкова, который в данном случае так и остался «черновиком». И он точно не должен был стать основным – Генштаб в феврале 41-го уже точно знал даже фамилии командующих группами армий вторжения. Но Жуков, уже зная по донесениям разведки, где и как выступят немцы главными силами, к марту 41-го все равно собирался **разместить наши главные силы только против неглавных сил противника!** И это при том, что к весне 41-го иллюзий, где будет атаковать немец главными силами, действительно не было – **главные силы врага ждали только из В. Пруссии и северной Польши!**

Откуда это сегодня известно, если рабочие «планы» ГШ еще ни разу не публиковались и тем более не публиковался «южный» вариант отражения агрессии «от Жукова», по которому тот и готовил РККА к войне, и вряд ли все они скоро будут опубликованы?! В книге «Почему не расстреляли Жукова? ...» об этом уже говорилось. Группировки немецких войск и войск союзников Германии против СССР, где ожидаются главные силы врага, показаны на схемах «Приложений» 15 и 16 исследования «1941 год – уроки и выводы». А по какому варианту собирались начинать войну «гении» из ГШ, подробно показано и в этом исследовании, и работах маршала М. В. Захарова. И большую помощь всем любителям истории оказал и тот же М. Солонин. Который, правда, сам не понимает, что он находит, роясь в ЦАМО.

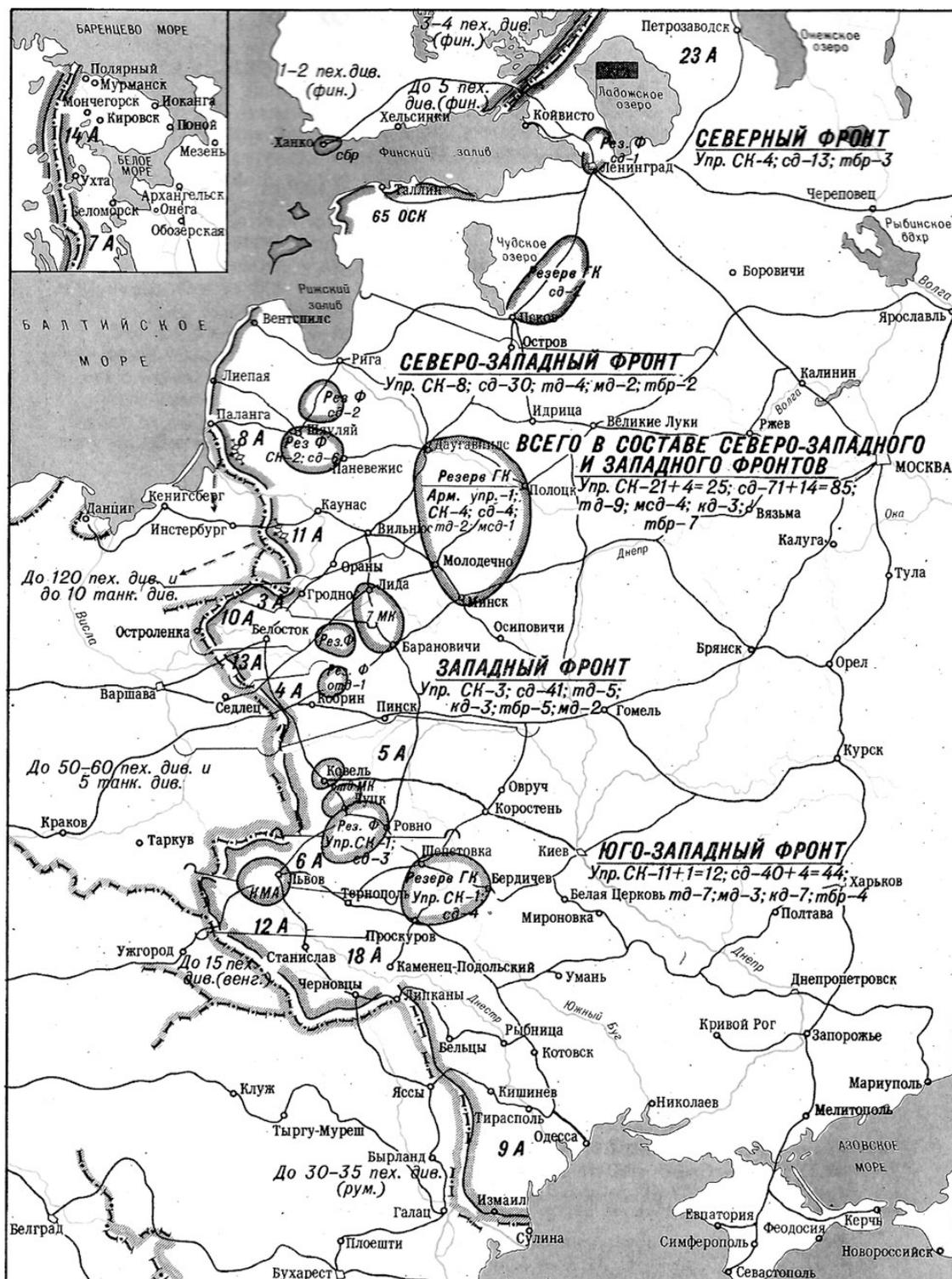
* * *

Данные схемы «Приложения 15 и 16» уже приводились в книге «Почему не расстреляли Жукова? ...». И эти «приложения» в мае 2013 года уже добавлены по просьбе автора и на сайт «Милитера», где и выложено исследование «1941 год – уроки и выводы». Как говорится, сами смотрите и сравнивайте – где ожидался удар главными силами Германии в обоих вариантах «Соображений» нашим Генеральным штабом.

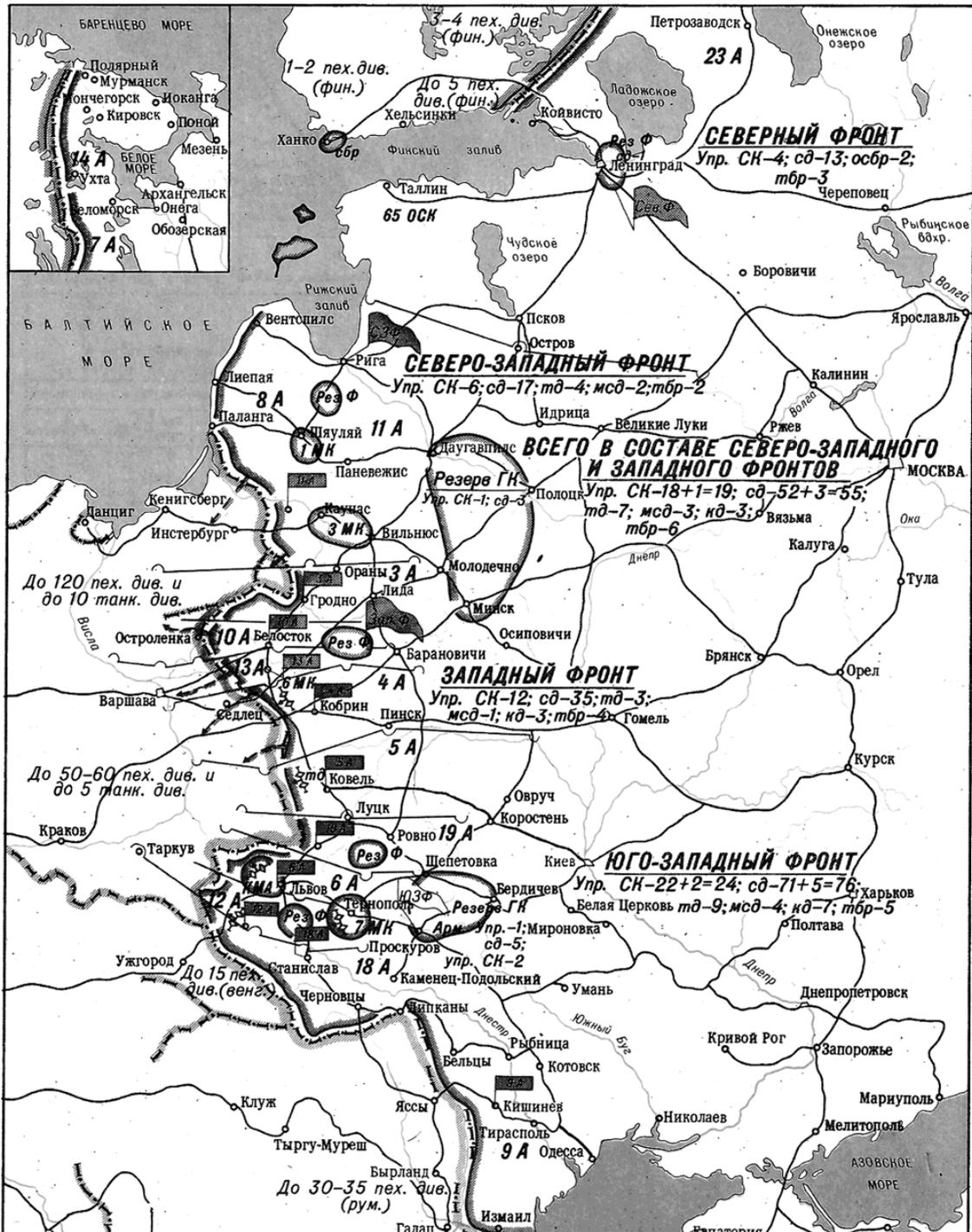
* * *

Данные схемы практически точно повторяют то, что просчитывал в июле-августе 1940 года еще маршал Шапошников по вероятным главным силам Германии ее союзников. И эти расчеты остались неизменными и в «Соображениях» Мерецкова сентября-октября 1940 года, по которым эти «Приложения» и нарисованы. Но если Сталин одобрил осенью 40-го варианты «Соображений», по которым немецкие главные силы ожидалось по-разному – или против ПриБОВО-ЗапОВО, или против КОВО, то что тогда мы видим на этих схемах? Всего лишь «варианты» отражения агрессии Мерецкова, которые сохранились и к июню 41-го у Жукова, по которым немецкие главные силы ожидаются только севернее припятских болот (как и просчитывал Шапошников), а наши главные силы выставляются либо против главных сил Германии, либо – против слабых и неосновных сил немцев и против их союзников. Т. е. Сталин никогда не считал, и военные тоже, что по Украине будет нанесен главный удар Германии в случае ее нападения.

Приложение 16. Схема стратегического развертывания («северный вариант»)

Приложение 15. Схема стратегического развертывания («южный вариант»)

Также обратите внимание на разграничительные линии для армий по разным вариантам (на военных картах линии между армиями должны быть двойными, но в данном случае это не карты, а именно схемы). По «северному» варианту «Соображений» мало того что основные силы немцев ожидаются против ПриОВО и ЗаОВО, так еще и никаких немедленных ответных ударов армиями западных округов не готовится – линии между армиями уходят в глубь нашей территории, т. е. армии уходят в оборону. И ответный удар наносится силами прежде всего ПриОВО и ЗаОВО по главным силам Германии после отражения первых ударов вермахта. На «25-е сутки мобилизации».

А по «южному» варианту, при том, что главные силы Германии ожидаются все там же – против ПриОВО и ЗаОВО, линии между нашими армиями уходят сразу на территорию

противника. Т. е. по «южному» варианту уже осени 40-го готовился именно **немедленный** ответный удар из КОВО по напавшему врагу, с отсечением вермахта от союзников – Венгрии и Румынии. Из «львовского» выступления. И такой же удар из ЗапОВО – из «белостокского» выступления. При поддержке армий ПриБОВО. Насколько «немедленным» должен был быть тот ответный удар? В течение максимум нескольких суток. Иначе этот план становится невыполнимым в виду быстрого изменения обстановки, связанного с действиями противника.

И это и пытались военные повернуть уже «Директивой № 3» от вечера 22 июня. Тем более что теории «встречных наступлений» были вполне «почитаемы» в те годы среди наших военных. Еще с Первой Мировой. И это немедленное наступление Жуков и отыгрывал в январе 41-го на КШИ (о них чуть позже...).

* * *

(Примечание. Тут возникает интересный вопрос – эти варианты были отработаны только осенью 1940 года, а к весне 41-го немцев все же ждали главными силами на Украину? Данные схемы отражают расчеты, конечно же, на осень 40-го, но они остались неизменными и на весну 1941 года. И дальше мы еще это рассмотрим подробнее – весной 1941 года никто не ожидал главные силы немцев против КОВО. И уж точно Сталин не считал, что главный удар немцев надо ждать на Украине...)

* * *

Смотрим еще раз, что писал Шапошников в июле-августе 1940 года:

«На Западе»

Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы к северу от устья р. Сан, с тем чтобы из Восточной Пруссии через Литву нанести и развить главный удар в направлении на Ригу, на Ковно и далее на Двинск, Полоцк или на Ковно, Вильно и далее на Минск.

Одновременно необходимо ожидать ударов на фронт Белосток, Брест, с развитием их в направлении Барановичи, Минск.

<...>

Вполне вероятен также, одновременно с главным ударом немцев из Восточной Пруссии, их удар с фронта Холм, Грубешов, Томашев, Ярослав на Дубно, Броды, с целью выхода в тыл нашей Львовской группировки и овладения Западной Украиной.

<...>

На юге – возможно ожидать одновременного с германской армией перехода в наступление из районов северной Румынии в общем направлении на Жмеринку – румынской армии, поддержанной германскими дивизиями.

При изложенном предположительном варианте действий Германии можно ожидать следующих развертываний и группировки ее сил:

– к северу от устья р. Сан немцы могут иметь на фронте Мемель – Седлец до **123 пехотных** и до **10 танковых дивизий** и большую часть своих самолетов;

– к югу от устья р. Сан – до **50 пехотных и 5 танковых дивизий**, с основной группировкой их в районе Холм, Томашев, Люблин».

Далее Шапошников сделал допущение, что:

«Не исключена возможность, что немцы, с целью захвата Украины, а в дальнейшем и Кавказа, сосредоточат свои главные силы к югу от устья р. Сан в районе Седлец, Люблин с направлением главного удара на Киев.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии, как указывалось выше».

И показал коротко, какие силы в этом случае немцы могут выставить против Украины:

«При этом варианте действий Германии надо ожидать, что немцы выделят для действий на юге 110–120 пехотных дивизий, основную массу своих танков и самолетов, оставив для действий на севере 50–60 пехотных дивизий, часть танков и самолетов».

Однако если, рассматривая удар Германии по ПрибОВО-ЗапОВО как главный и основной, Шапошников подробно расписал, какие силы округов должны противостоять этому главному удару, то для возможного удара по Украине маршал не стал даже делать какие-либо прикидки для наших войск на этот вариант развития событий и дал заключение, что:

«Основным, наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является 1-й вариант ее действий, т. е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан. ...» («№ 95. Записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной армии в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и В. М. Молотову об основах стратегического развертывания вооруженных сил СССР на Западе и Востоке на 1940 и 1941 годы б/н [не позже 19 августа 1940 г.]. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп.2951. Д.239. Лл. 1-37. Рукопись на бланке: “Народный комиссар обороны СССР”. Имеется помета: “Написано в одном экземпляре. Исполнитель зам. нач. Опер. упр. генерал-майор Василевский”. Подлинник, автограф Б. М. Шапошникова». Источник – «1941 год», в 2 кн. М.: МФ «Демократия», 1998 г. Есть в интернете.)

Как видите, Шапошников четко просчитал – где немцы нанесут свой главный удар, и показал, где для отражения этого удара надо ставить наши главные силы.

Но после того как маршал Шапошников предложил свои «Соображения» о стратегическом развертывании РККА на случай агрессии Германии, он был снят с должности наркомом Тимошенко («по состоянию здоровья», Шапошникова, похоже, просто «ушли»). И сменивший его Мерецков в сентябре 1940 года представил на рассмотрение Сталину «новые» «Соображения», в которых и начинает протаскиваться идея нанесения ответного нашего удара из Украины (КОВО), при том, что немецкие главные силы также наиболее вероятно все же будут бить по Прибалтике и Белоруссии, и этот сценарий действий Германии оставался наиболее вероятным. Однако если формально в «Соображениях» Мерецкова главный удар немцев остается против ПрибОВО-ЗапОВО, то наш ответный удар из Украины становится уже «первым» (главным) вариантом отражения агрессии:

«V. Основы нашего стратегического развертывания на Западе»

Главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска с тем, чтобы мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска,

с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней.

Окончательное решение на развертывание будет зависеть от той политической обстановки, которая сложится к началу войны, в условиях же мирного времени считаю необходимым иметь разработанными **оба варианта**.

Первый вариант – развертывание к югу от Брест-Литовска. Основами этого развертывания должны быть:

1. Активной обороной прочно прикрывать наши границы в период сосредоточения войск.

2. Во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта силами Юго-Западного фронта нанести решительное поражение Люблин-Сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти на р. Тилица и верхнее течение р. Одер.

3. В процессе операции прочно прикрывать границы Северной Буковины и Бессарабии.

4. Активными действиями **Северо-Западного и Западного фронтов сковать большую часть сил немцев к северу от Брест-Литовска и в Восточной Пруссии**, прочно прикрывая при этом Минское и Псковское направления.

Удар наших сил в направлении Краков, Братислава, отрезая Германию от Балканских стран, приобретает исключительное политическое значение.

Кроме того, удар в этом направлении будет проходить по слабо еще подготовленной в оборонном отношении территории бывшей Польши. ...» (ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп.2951. Д.239. Лл. 197–244. Рукопись на бланке: “Народный комиссар обороны СССР”. Исполнитель: зам[еститель] нач[альника] Опер[ативного] упр[авления] генерал-майор Василевский. Подлинник. Автограф.)

И далее подробно расписывается, как какой округ действует, чего на этот вариант Шапошников не делал, не считая это в принципе необходимым. Обратите внимание – у Мерецкова в принципе главные силы немцев ожидаются против ПриОВО и ЗапОВО. Этим округам предписывается – «действиями **Северо-Западного и Западного фронтов сковать большую часть сил немцев к северу от Брест-Литовска и в Восточной Пруссии**». Т. е. нанесение ответного удара по «неосновным силам» противника начали предлагать уже в сентябре 1940 года. Ожидая, что немцы свои основные силы выставят именно севернее Бреста – в В. Пруссии. Далее в «плане Мерецкова» дается расчет наших действий и по «второму», «северному» варианту отражения агрессии...

* * *

Однако, похоже, Сталина не слишком вдохновили эти красивые ответные удары по слабому флангу агрессора, и чтобы убедить «тирана» что наш ответный удар из КОВО предпочтителен, Тимошенко и подал в начале октября «записку» Сталину.

**«№ 134. ЗАПИСКА НАРКОМА ОБОРОНЫ СССР
И НАЧАЛЬНИКА ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ В ЦК ВКП(б)
И. В. СТАЛИНУ И В. М. МОЛОТОВУ**

№ 103313/сс/ов [не ранее 5 октября 1940 года]

Особо важно

Совершенно секретно

Только лично

В одном экземпляре

Докладываю на Ваше утверждение основные выводы из Ваших указаний, данных 5 октября 1940 г. при рассмотрении планов стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на 1941 год.

<...>

2. На Западе основную группировку иметь в составе Юго-Западного фронта с тем, чтобы мощным ударом в направлении Люблин и Краков и далее на Бреслау в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне.

Одновременно активными действиями Северо-Западного и Западного фронтов сковать силы немцев в Восточной Пруссии.

<...>

4. С учетом указанных мероприятий состав сил Юго-Западного фронта довести до 80 стрелковых дивизий, 5 мотострелковых дивизий, 11 танковых дивизий, 7 кав. дивизий, 20 танковых бригад и 140 полков авиации.

Кроме того, в резерве Главного командования иметь за Западным фронтом – в районе Двинск, Полоцк, Минск не менее 20 стр. дивизий и за Юго-Западным фронтом в районе Шепетовка, Проскуров, Бердичев – не менее 23 стрел. дивизий.

5. План стратегического развертывания на Западе с нанесением главного удара силами Юго-Западного фронта считать основным. Признать необходимым одновременно иметь разработанным план развертывания войск на Западе с основной группировкой в составе Западного фронта, с целью – усилиями Западного и Северо-Западного фронтов разбить немцев в Восточной Пруссии, силами Юго-Западного фронта нанести вспомогательный удар на Люблин.

<...>

7. Утвердить представленные соображения по разработке частных планов развертывания для боевых действий против Финляндии, против Румынии и против Турции.

8. Разработку всех планов развертывания и действий войск как по линии Наркомата обороны, так и по линии Наркомата военноморского флота закончить к 1 мая 1941 г. ...» (ЦАМО РФ. Ф.16, оп. 2951, д. 242, лл.84–90. Рукопись на бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Утверждающая подпись отсутствует. Автограф. Сборник «1941. Документ» М.1998 г.)

* * *

Данный документ зимой 2015 года выложен на сайте МО РФ «Документы» («Накануне войны»), http://mil.ru/winner_may/docs.htm. Утверждающей подписи на первом листе нет, но в конце «Записки» подписи Тимошенко и Мерецкова в ЦК ВКП(б) имеются.

Данной запиской пытаются доказать, что якобы Сталин и дал указание военным готовить наш ответный главный удар из Украины.

Что было на самом деле, какой была реакция Сталин на «Соображения Мерецкова» от 18 сентября? Это можно попробовать понять по исследованию «1941 год – уроки и выводы». А также по другим источникам. Но даже по этому тексту вполне можно сделать вывод, что это именно военные опять предлагают Сталину, хотя и исходя из его неких указаний (по усилению КОВО, например), **свои «выводы»-предложения – «основную группировку иметь в составе Юго-Западного фронта»**. И на этой записке опять указан «гриф» – «особо важно»...

* * *

Исследование «1941 год – урок и выводы» под этими же реквизитами показывает – «южный» вариант Мерецкова от 14 октября. И некоторые исследователи вопроса на этом сделали такой «вывод», мол «южный» вариант Мерецкова от 14 октября 40-го и данная «записка наркома от «не ранее 5 октября» и есть этот самый «южный» вариант Мерецкова.

Это не совсем так. «Соображения» – это «Соображения», а эта конкретная «Записка» – это не «Соображения». В «Соображениях» всегда требуется указывать, где враг будет наносить свой главный удар. А в «записке наркома» от «не ранее 5 октября» этого нет. Данной запиской доводится до Сталина, что его указания учтены и два варианта отражения нападения надо отработать к 1 мая 1941 года. Т. е. «южный» вариант Мерецкова – это самостоятельные «Соображения», и данная «записка» если и имеет к ним отношение, то, возможно, как некий «предварительный черновик» к ним.

Возможно, в данной «записке» «тезисно даны основные выводы из указаний Сталина» от начала октября? Возможно. Однако «Уроки и выводы» прямо назвали документ с этими реквизитами именно «южным» вариантом – т. е. готовым планом, а не «запиской». Т. е. похоже, Тимошенко и Мерецков собирались отработать и «план» на ее основе. «Общие Соображения».

Может, эта «записка» очередной «черновик», «эскизный набросок доработанного «южного» варианта, который полностью будет готов только к концу февраля 1941 г.»? Является ли эта данная «записка» «южным» вариантом по сути? Возможно. Видел ли Сталин эту «записку»? Возможно. Ведь НКО и ГШ должны были как-то отреагировать на указания, сделанные им Сталиным 5 октября на совещании. И эту «записку» Мерецков мог использовать как «доклад-шпаргалку» на совещании у Сталина 14 октября.

Военные были у Сталина 5 октября с «Соображениями» Мерецкова от 18 сентября, имеющими «№ 103202», и однозначно получили от него указание – усилить КОВО, в который Шапошников предложил слишком уж заниженные силы поставить, а следом за ним и Мерецков поставил свою подпись под следующим «планом» от конца сентября. А ведь на Украине и была большая часть нашей промышленности тех дней. После чего Мерецков и подготовил «южный» вариант к 14 октября, к новому совещанию со Сталиным и Молотовым. Данную «записку» – от 14 октября.

Совещание в тот день у Сталина началось в 20.40, и в 20.45 к нему прибыли Тимошенко и Мерецков с Куликом и Буденным, которые пробыли у Сталина до конца, **4 часа** – до 0.45. И Мерецков в принципе мог поставить дату и утром. Как уверяет исследователь С. Л. Чекунов, на «записке наркома № 103313/сс/ов» стоит именно эта дата – 14 октября.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.